

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Оформление журнала - Святополк

Редакционная коллегия журнала приглашает авторов к сотрудничеству

- Принимаем на рассмотрение прозаические и поэтические работы любого объема с их дальнейшей публикацией на страницах журнала «Чешская Звезда».
- Осуществляем публикацию и помощь в реализации книг на территории Чешской Республики и Евросоюза.

Телефон редакции: **+420 353 223 292**

Электронные почты:

nick@czechskazvezda.net

czechskazvezda@seznam.cz

Адрес для почтовых отправлений:

Vítězná 37/58, Karlovy Vary, Drahovice 360 01 Česká republika

Адрес редакции:

Horova 2017/12, č. k. 219, Karlovy Vary, 360 01 Česká republika

По вопросам размещения рекламы обращаться по телефону: **+420 353 223 292**
или по электронной почте: skleneny.mustek@seznam.cz

Деревенский дед, впервые в жизни побывавший в Москве, возвращается в родное село и рассказывает односельчанам о городской жизни.

– А еще был я в таком сельпе, называется “Интим”, так там все есть, даже резиновые бабы!

– Во как! А резиновые мужики там есть?

Дед призадумался.

– Нет, не видал. Но запчастей к ним там сколько угодно!

Городской анекдот.

Жила-была на белом свете принцесса. Ну не совсем, конечно, принцесса, но кто сегодня же может с уверенностью сказать, что в нем нет королевской крови? А мысль о благородном происхождении поневоле придет в голову, если у тебя маленькие руки и ноги, белокурые пышные кудри спускаются до стройной изящной талии, и на розовом личике влажно сияют голубые глаза и алеет пухленький ротик.

Родилась и росла принцесса в Апрелевке, есть такой небольшой городок под Москвой, где в центре ревут заводские гудки и дымят трубы, и черная пыль оседает на стенах серых пятиэтажек, а оконные стекла за месяц перестают пропускать в комнату солнечный свет.

А на городской окраине до сих пор стоят крепкие деревенские избышки с резными крыльечками и окошками в ладошку, затянутыми белоснежными ситцевыми занавесками. По улице гордо разгуливают куры, играет в песок детвора, и матери окликают ее из-за заборов.

В одном таком маленьком пряничном домике, что под красной черепичной крышей, и жила принцесса вместе с мамой и младшей сестренкой. И папы у нее появлялись, их было несколько, но все сначала приходили с цветами и подарками, а через несколько лет исчезали куда-то. Мама подолгу плакала, вытирая красное лицо накрахмаленным передником, причитала, как по покойнику. Принцесса пыталась ее утешить, обнимая за плечи, но мама не успокаивалась, всхлипывала и вздрагивала, от рыданий дрожали плечи и крутые завитки крашенных хною волос, мелко тряслись круглые груди и живот. Страшно становилось принцессе, но она жалела маму, целовала залитые слезами горячие щеки и бесконечно повторяла: “Ну, все, мамочка, не плачь, не плачь, нам ведь и так хорошо, мы с тобой ведь и сами проживем, правда?” И действительно, жили дальше. Собирали урожай, ходили по будням на работу и в школу, шили наряды по выкройкам из иностранной “Бурды”, а в праздники пекли пироги и созывали гостей – поговорить за сладким чаем с рюмочкой клюквенной настойки, спеть песни и поплясать под радиолу.

Долго ли, коротко ли, но принцесса стала взрослой. В аттестате зрелости у нее оказались три “тройки” – по алгебре, физике и английскому. Мама поздравила дочку и договорилась с лучшей мастершей у себя на работе, в ателье верхней одежды, что девочки примут в ученицы.

И вдруг случилось чудо. Ранним утром принцесса надела свое самое нарядное розовое платье, волшебные лакированные туфельки и отправилась в Москву. Долгую дорогу пришлось ей пройти, во многие царские ворота постучать, но везде на гранитных камнях слова начертаны: “Вступительные испытания на дневное отделение факультета включают экзамен по иностранному языку. Да и люди добрые ей объяснили, что суетиться нужно было гораздо раньше, года два назад, записываться на платные

курсы, а еще лучше на поклон к профессорам наведаться, попросить поучить уму-разуму. Приходилось убираться подобру-поздорову, нарядные туфельки стаптывать.

В третьи двери постучалась Принцесса – и открылись они. На вечернее отделение абитуриенты экзамены по иностранному языку не сдавали, а остальные испытания прошли вполне благополучно. Так Принцесса стала студенткой.

Дома матушка и сестра поохали, повздыхали, что страшно будет возвращаться с занятий темными вечерами, когда раздолье и сказочной нечисти, и лихим людям. А соседи и вовсе смеялись, крутили пальцем у виска, мол, девке верный кусок хлеба давали, а она, неблагодарная, совсем с ума спятила, выдумала какую-то педагогику да филологию. Но принцессы сейчас пошли храбрые, не то что в стародавние времена, и не боятся уже ни чертей, ни разбойников, ни людского суда.

Скоро только сказка сказывается, да нескоро дело делается. Пять раз лето сменило зиму, а Принцесса все училась, конспектировала лекции, просиживала часы в библиотеке, готовясь к семинарам, сдавала зачеты и экзамены. Царский род давно обеднел, и она работала то продавщицей в магазине одежды, то горничной и нянкой у людей, а после, уже на старших курсах – учительницей в школе, приучала малышей любить книжки.

В волшебных сказках всегда водятся принцы. Обычно они появляются из соседнего королевства на белом коне, чтобы завоевать сердце красавицы, или маскируются под свинопаса, пока не объявится подходящий дракон, с которым не стыдно сразиться. Конечно, герои всегда побеждают и получают в награду сердце возлюбленной и полкоролевства в нагрузку. На последних страницах играют веселую свадьбу, и принцесса становится королевой. Ничего не поделаешь, уж так положено.

Вот только в нашей сказке принц так и не появился. Видимо, на узких улочках Апрелевки белому коню просто не развернуться. Женихи у принцессы появлялись, приглашали на балы, угощали пивом и даже иногда дарили розы, да только не хватало у них смелости не только с драконом – с мягкой подушкой и с телевизором бой выиграть. Впрочем, мужчины ее не били, не случалось и унижительных скандалов с воплями и швырянием посуды на глазах любознательных зрителей, и с малым ребенком на руках ее не бросили, – словом, никакой беды в жизни не случилось.

Принца у Принцессы не было, но появились друзья и диплом, а трудолюбием ее Бог наградил при рождении. Сразу после церемонии признания Принцессы дипломированным специалистом ей сделали предложение перейти в риэлтерскую фирму, научиться торговать недвижимостью.

Опять началась учеба на бесплатных курсах риэлторов и на платных – английского языка, подъем в пять часов утра, четыре часа в сутки в электричках, метро и троллейбусах.

Три недели на теплом ласковом море пролетели быстро, и снова начался тяжелый год, работа и работа, переговоры и оформленные контракты.

Принцесса пыталась отшучиваться, уверяла, что у ей и так все время приходится плясать, а кино, театр и циркона регулярно наблюдает на работе, где ей за это еще и деньги платят. Убеждения действовали до поры до времени, но однажды мама и сестра все же устроили ей настоящий день рождения – накрыли шикарный стол и пригласили полгорода.

Праздник удался на славу. Пришли школьные подружки Принцессы, которых она почти потеряла из виду – все не могли вы-

рвать часок и встретиться, родные и знакомые, помнящие ее с детства, доктор, помогавший девочке выбраться из детских болезней, любимая учительница, которая единственная поддержала в свое время желание юной выпускницы поступить в институт, и, конечно, крестная – известная в на всю округу Фея. Все ели, пили и веселились, обменивались новостями, и только во взгляде мамы стояла затаенная грусть – Принцессе стукнуло тридцать, пора было становиться Королевой.

Утром следующего дня Принцесса разбирала подарки. Разумеется, дешевая косметика, одежда и духи с оптового рынка достались младшей сестренке – пусть носит, она хоть и замужем, но еще молода, красиво одеться ей тоже хочется. Чайный сервиз и комплект постельного белья в хозяйстве всегда пригодятся. Конечно, подарки не шли ни в какое сравнение с солидными презентами от фирмы – дорогим ноутбуком и шикарным представительским букетом роз, но миленькие статуэтки, сделанные “под гжель”, и забавные мягкие игрушки так растрогали Принцессу, что на глаза невольно навернулись слезы...

Так, а это что такое? Подарок от крестной, маленькая картонная шкатулочка, а в ней лежат два стеклянных пузырька с плотно прикрученными пробками. На одной из аккуратных аптечных этикеток написано “Мертвая вода”, на другой – “живая”. И пожелание на глянцевого открытке гласит: “Дорогая крестница, ты всегда была умницей. Надеюсь, ты с помощью моего волшебства получишь то, что хочешь. Фея”.

Удивилась Принцесса и растерялась. Подарок, конечно, очень ценный, да вот только как его к делу приспособить? Задумалась она, чего бы ей больше всего хотелось? Повышения по службе, денег, нарядов, украшений? Так только что получила, стала старшим менеджером. Машину, чтобы, наконец, не мотаться по электричкам? Но машину она и без волшебства купит через полгода, можно было бы уже и сейчас, но тогда придется соглашаться на отечественную или сильно подержанную иномарку, несолидно, да и с ремонтом замучаешься. Квартиру в Москве? Надо бы, но тогда она родных совсем не будет видеть, при ее-то нагрузках и ритме жизни. На сестру надежда плохая, они с мужем сами копейки считают, а мама ведь не молодеет...

Мама давно уже не красит волосы и не накручивает их на бигуди, лицо у нее теперь всегда какое-то желтоватое, сквозь дряблую кожу проступает резкая паутинка неумолимых морщин. Халат пятьдесят четвертого размера, подаренный на прошлогоднее восьмое марта, выцвел и становится мал, а глаза постоянно слезятся. Узнав о странном подарке крестной, мама только махнула рукой – мол, вечно у тебя на уме одни глупости, и тихо сказала: “Замуж бы тебе выйти, дочка. Тридцать лет, уже не девочка. Пора уж одуматься.”

Острая жалость кольнула Принцессу, как когда-то в детстве, она снова обняла маму за сутулые плечи, погладила по руке и вдруг чуть сама не расплакалась, повторяя: “Все будет хорошо...”

Проблема встала во весь рост. Принцессе и раньше думала, что когда-нибудь все-таки придется стать чьей-то женой. Все правильно, женщина должна быть замужем. Но понималось это как-то отвлеченно, головой: казалось естественным, когда речь шла о матери или сестре, а к ней самой будто и не имело отношения. Как как-нибудь потом, потом, вот разберусь с делами, добьюсь благополучия, уважения, а королевский куда не денется – найдется...

А теперь тридцать лет, как странно, ведь еще только вчера было восемнадцать. Откуда-то из издалека вынырнула считалка, четко простучала в голове: “Пора – не пора, я иду со двора...” Принцесса постаралась представить себе мужа, но ничего не получилось: образ расплывался, таял, как луна, отраженная в темной озерной воде, когда слегка подует ветер и по поверхности побежит рябь. Дети представлялись гораздо лучше, вертлявый непоседливый мальчик лет десяти и высокая нескладная девочка-подросток. Маленькими их не увидишь, как не старайся. Ну что ж, нет – и не надо, пойдем другим путем.

Вечером Принцесса зажгла свечку, достала из старинной резной шкатулки нитки, иголки, бисер, мулине. Еще потребовалась качественная ткань – драп и подкладочная, фрагменты из нату-

ральной кожи и прорезиненного плаща. Туловище будущего мужа надо защитить от любых неожиданностей.

Золотые руки у Принцессы! Голова получилась хоть куда, большая, круглая, для тяжести опилками набитая. Мужественный подбородок, красиво очерченный рот, прямой нос, вот только с глазами вышла заминка – никак не удавалось вышить приличное выражение, и пришлось обойтись стеклянными пуговицами.

В конечности вставила тонкую медную проволоку, чтобы лучше гнулись. Волосы и тонкие, породистые кисти рук сплела из макраме. Конечно, понадобилась и толстая восковая свечка. Сами не маленькие, знаете, для чего.

Принц-консорт удался на славу! Принцесса даже залюбовалась – высокий, сильный, с таким в любом обществе появиться не стыдно! Да и чему же удивляться, она в свое время не то, что мужа – сама себя сделала! Улыбнулась Принцесса и щедро окропила его мертвой водой.

...Свадьбу сыграли щедрую, веселую. Устроили пир на весь мир, весь город там был, по усам текло и в рот все прекрасно попадало. И жених всем очень понравился – сразу видно, интеллигентный человек, меру свою знает, поздравления принимает благосклонно, вежливо кивая головой. А в невесту как влюблен – сидит, глаз с нее не сводит, не лезет ни на лестницу курить, ни выяснять с гостями, как мы могли продуть матч “Реалу”. Крестная тоже была, но почему-то быстро ушла, даже тост за молодых произносить не стала.

Жизнь вошла в прочную, укатанную колею. Принцесса стала Королевой. Мама была очень довольна – она отлично поладила с зятем, зажила с ним душа в душу (то он ей туда плюнет, то она – ему). Часто вдвоем подолгу пили чай, теща делилась планами на жизнь, рассказывала поучительные истории из своей молодости, а зять внимательно слушал, одобрительно кивал головой, не перебивал. Соседи больше не перешептывались за спиной, – наоборот, завистливо вздыхали, когда по субботам супружеская чета отправлялись за покупками или в кино. Королева одела принца с ног до головы, устроила клерком в какую-то контору, вечерами заходила за ним на работу, и они вместе возвращались домой.

Прошло еще несколько лет. У Королевы уже появились дети, мальчик и девочка. Как так случилось, никто не знал, в том числе и она сама, но фигура у нее не испортилась, и растяжек на бедрах и груди не оказалось, и безобразные пигментные пятна на лице не вылезли. А малыши подрастали прелестными, чем-то напоминали белокурых и голубоглазых куколок из “Лейпцига”, такие же розовые и веселые, мамина радость, не болеют, не капризничают, всегда слушаются.

Королевская семья поживала очень счастливо. Купили машину, Королева снова получила повышения и теперь руководила строительством коттеджей по индивидуальному плану, моталась по стройкам, ругалась с прорабами, выясняла, что пользуется наибольшим спросом. Но дома ее всегда ждали муж и дети, и папа прекрасно справлялся с малышами: и ужином покормит, и искупает, и сказку почитает на ночь. А на деловых приемах принц-консорт просто незаметно: безупречные манеры, все всегда на высшем уровне.

Годы бежали. Дети росли. Королева устроила их в самую лучшую школу, наняла репетиторов по музыке и английскому. Естественно, учились наследники только на пятерки. Все было как у людей, но Королева не позволяла себе расслабиться, в воскресенья сама вставала к плите и готовила праздничный обед, следила за модой, порядком и чистотой, чтобы дом был полной чашей.

Иногда случались и огорчения. Мама совсем постарела и уже почти не выходила из дома, прибавлевалась, приходилось искать лучших врачей и доставать путевки в санатории. Младшая сестренка прибегала жаловаться, подолгу плакала на кухне, ныла, что денег нет, работа вытянула все жилы, сыновья растут оболтусами, каждую неделю вызывают в школу, а муж опять напился, упал, разорвал рукав у новой куртки. Королева жалела, давала умные советы, предлагала развестись и разъехаться, ведь есть все возможности. Но сестра отчего-то бездействовала, выплакавшись, уходила домой, и все возвращалось на круги своя, только в кошелек ей удавалось подложить лишние сто долларов. И в школе, где

теперь учились племянники, Королеву еще многие помнили, так что конфликты удавалось улаживать.

О самом странном огорчении Королева так и не рассказала никому. Однажды вечером она так устала, что даже не вылезла из машины. Припарковалась в самом конце улочки, открыла окно, закурила тонкую дорогую сигарету, медленно выдыхала дым в синюю темноту.

Вечер выдался безоблачным и звездным. Окошки гасли одно за другим, где-то непрерывно орала кошка. Стукнула дверь, раздался шум льющейся воды и сердитый окрик: “Брысь отсюда, проклятая!” – тут же мяуканье смолкло, а кошка в два прыжка вылетела за забор, отряхнулась и скрылась в кустах.

От оглушительной тишины зазвенело в ушах. Сигарета кончилась, и ночной воздух показался Королеве непривычно влажным и пахучим, но она все сидела, глядя в привычную с детства улицу, как будто никогда прежде не видела эти дома, сарайчики, и маленькие уютные скамейки у калиток, и старые яблони, заросли облепихи и шиповника.

Вскоре она уедет навсегда. Уже строится приличный коттедж. Вторую половину жизни проживет, как белые люди. Радоваться надо бы, да только уже не остается сил, и все чаще кажется, что упустила, забыла самое главное...

Вздыхнул легкий ветерок – вздрогнули ветки деревьев, прошел тихий шелест по кустам. А Королеве почудился тихий-тихий голос Крестной, мягко спрашивающий: “Что же ты, детка, о живой-то воде забыла? Не потеряла ли?”

Так вот в чем дело! Действительно, принца-консорта окропили только мертвой водой, а о живой никто не подумал. Да и зачем, когда такой красавец получился? Но теперь-то все можно поправить, вот сейчас вернется и...

Воображение тут же подсунуло картинку: вот они с мужем переклеивают в большой комнате обои, вешают новые полочки, и он сердито говорит: “Держи ровнее, рук у тебя нет, что ли?” – и она изо всех сил старается. А на Новый год муж приносит в дом елку, ставит в холодной пристройке, а вся телогрейка усыпала снегом, и спешит к накрытому столу, к густому борщу, обжигающему чаю. Моет руки и лукаво подмигивает: “А еще горячее ничего не нашлось?”, а она делает вид, что сердится...

А бывает, что к мужу пришли друзья, накурили на кухне и застелились допоздна за преферансом и пивом, но рассказали массу веселых историй и свежих анекдотов. Или семью пригласили на какой-то вечер от мужниной работы, где мужчины делают ей руку и говорят: “Ваш муж такой талантливый человек. У нас его очень ценят”, и премиальные часто дают, а он их в семью несет, конечно. И другие женщины при ней делают вид, что он им совсем не интересен...

Стойте, стойте. Что же получается? Что мое – то мое, и была

уже история, когда какая-то крашенная лахудра лезла к нему на работе, все в столовой подсаживалась, якобы хотела вместе пообедать. Королева тогда быстренько навела порядок, только опилки и песок из принца-консорта посыпались. Но сейчас ведь может и не получиться? Кто знает, не ударит ли ему живая вода в голову? И появится дурной характер, ненужные дружки, поздние возвращения домой, странный интерес к футболу, например, или к этим жутким компаниям возле гаражей, начнет жрать водку, а там и до разврата недалеко? И это сейчас, когда уже двое детей, и все так мило, так прилично. Тяжело, конечно, она устает, ну так ведь уже привыкла, да и до отпуска всего месяц остался...

Тревожные мысли словно взорвались в голове. От волнения Королева закурила еще одну сигарету. Не помогло, только слегка затошнило. Неужели начинается мигрень? Господи, еще этого не хватало!

“Так что ж ты решишь?” – снова прошелестело в ветвях. Но ничего решать не хотелось. Скорее домой, принять таблетку, сделать крепкий душистый чай с медом и молоком, забраться под теплое пуховое одеяло, забыть обо всем. А впрочем, о чем забывать-то? Ничего еще не случилось. Все под контролем. Да и кому вся эта чертовщина, эта живая вода нужна? Никому. А ей так в первую очередь. Сорок лет прожила без особых чудес, обойдется без них и дальше. Выбросит флакон сегодня же, вот прямо сейчас, и все кончится.

Королева буквально ворвалась в дом. Шкатулка нашлась сразу же. Толстое граненое стекло флакона приятно охладило руку. “Жалко, красивый,” – мелькнуло в голове.

Сердце перестало колотиться, дыхание выровнялось. Королеве даже стало немного стыдно. Да что с ней сегодня творилось? Нервы, все это нервы. Пустырник надо принимать перед сном. Глубоко вздохнула и аккуратно убрала все на место.

...Через несколько месяцев королевская семья переехала во дворец. Старый дом опустел, весной слегка покосилось крылечко, огород зарос бурьяном и полынью. Соседи долго обсуждали это событие – перед отъездом Королева раздала множество приличных вещей, даже мебель кое-кому подарила, крепкую, добротную. Совсем стерва сбесилась с жиру, а на новоселье в коттедж никого не позвала. Обидно.

Никто не знает, окропили ли принца-консорта живой водой. Да и никто и не любопытствует. Но уезжали все вместе, и старенькая мама все удивлялась, куда это выносят токи и чемоданы и почему передвинули ее любимую кровать. Видимо, совсем бабуля плоха, так ничего и не поняла, бедная. А сейчас уже невозможно узнать – адрес Королева не оставила. Я иногда вижу у шоссе ее сестру, она продает картошку, но расспрашивать ее стесняюсь – неудобно.

март – апрель 2003 г.

КНИГИ В ПРОДАЖЕ

Лана Аллина

«Вихреворот сновидений»

Вероника живет в двух мирах. Один из них – мир будничной прозы привычной жизни, в которой она – жена, любовница, преподаватель... Второй же – разнообразный, яркий и выразительный – мир ее снов. Но именно этот мир иллюзий помогает ей видеть вещи такими, какие они есть на самом деле, и находить верный путь в раскинувшемся перед героиней лабиринте судеб и событий, что протянулся с середины XX века до наших дней.

ISBN 978-80-7534-059-7; 978-80-7534-060-3.

400 стр.

АННА РАССКАЗОВА ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЗНАМЕНИТОГО ХУДОЖНИКА

Это произошло несколько лет назад на одной из улиц небольшого, но не менее шумного городка. Но лишь немногие знают об этом. А кто помнит, тот до конца сожалеет о совершённом поступке, который уже никогда не удастся исправить. Он хранит в своём сердце те редкие воспоминания и искренне раскаивается в том, что уже никогда нельзя вернуть. Доброта и сожаление слишком поздно озарили его прежде холодную, словно лёд душу и разбудили в нём когда-то затерянное во времени милосердие.

Это было обычное, рождественское утро. Для одних оно было чудесным, полным долгожданной, предпраздничной суеты и веселья, а для других – одним из таких дней, которые скрипят мрачно-серой повседневностью и заставляют душу изо всех сил рваться на волю и дико кричать от безысходности. Мороз в том году выдался образцовым. Он мёртвой хваткой вцепился в город и не выпускал его ни на минуту из своих суровых владений. Непослабый поток белых, как наряд невесты, мух водил свои праздничные хороводы в небесном пространстве. Строгий, как горячая рука сурового отца, ветер неумолимо выл в трубы домов. И это оптимистическое завывание в виде раскатистого призыва, исключаяющее всякий песенный мотив, стремительно распространялось по всем окрестностям. Солнышко пригрело совсем по-зимнему, но всё же радовало прохожих своей летней лучистостью. Улицы были переполнены. Народ валил со всех сторон с невероятной скоростью, заполняя все свободные места, как на базаре. Все куда-то спешили, изредка останавливаясь, чтобы поприветствовать и поздравить с праздником знакомых и друзей. Рождественский запах постепенно охватывал всё вокруг своими локвими и цепкими сетями. Он просочился даже в самые потаённые, невозможно мелкие щели и трещины, из которых продолжал дурманить окружающую атмосферу.

На одной из улиц города, а точнее на самой шумной и многолюдной её стороне стоял один паренёк. На вид ему было около восемнадцати лет. Тонкий, клеёнчатый плащ еле-еле спасал его от такого жестокого мороза. Коротенькие штанишки едва доходили до колен, а ботинки скрывали лишь десять сантиметров от основания стопы. Его большие, дикооткрытые, голубые, словно небо, глаза были необыкновенно приветливыми и добродушными. Но в них читалась вовсе не радость от предстоящего праздника, а бесконечно томлящая и терзающая душу грусть. Его тончайшие губы едва не сливались с подбородком. Они все потрескались от холода, и из ранок сочилась алая кровь. Из-под крохотной, непонятного цвета шапочки виднелись светлые волосы, кончики которых были полностью покрыты серебристым инеем. А его нарочь окоченевшие, уже побагровевшие от холода руки, по-прежнему держали две картины. Это был бедный, юный художник. Он каждый день приходил на это место со своими работами в самодельных, но не менее красивых рамах в надежде продать хотя бы одну из них. И тем самым заработать немного денег для своей больной матери и двухгодовалой сестрёнки. Но почему-то у него не покупали картины, хотя они были поистине великолепны. Быть может, люди просто не понимали всю прелесть и необыкновенность его работ и проходили мимо, порой даже не посмотрев на них. А может быть, и были какие-то ещё другие причины, которые мешали им сделать это. Так проходил час, другой, полдня, наступал вечер. И бедный художник уходил домой, озабоченный своей неудачей. Но надежда никогда не покидала его. Она всегда жила в его сердце.

Вернувшись, домой ни с чем, он разочаровано смотрел на свою

мать, которая постоянно упрекала его.

– Лучше бы ты попрошайничал или воровал, чем целыми днями стоял без толку. Ты такой же неудачник, как твой отец! – говорила она.

Эти слова, каждый раз произносимые его матерью всё с более и более великой и непонятной ненавистью буквально разрывали душу юноши и наводили непреодолимую тоску. Он никогда не понимал, за что его так ненавидит собственная мать. Но всегда молчал. Он несколько минут стоял и смотрел на измученное и больное лицо своей матери. Затем он уходил в свой уголок и снова брался за работу. Это было единственное его утешение. Взяв в руку кисть, он забывал обо всём, даже об оскорбляющих его ранимую душу словах и событиях. Он нежно водил ею по гладкому полотну и невольно погружался в свой насыщенный мир грёз и фантазий. Это был его мир. Мир, который он создал, и кусочки которого он искусно переносил на дарованное Богом полотно. Непокоряющаяся неудача только вдохновляла его и рождала всё новые и новые шедевры, наполненные его ярким и живым внутренним миром. А на следующее утро он снова приходил на прежнее место с картинами в руках. В тот день он принёс новые, ещё не облаканные чужим глазом картины в надежде на удачу, которая пока имела место только в его сердце, но и там постепенно угасала, превращаясь в мёртвый уголёк давно потухшего костра. Безнадёжная вера в рождественское чудо помогла ему забыть о зверском голоде и холоде. Но коварный запах рождественской ели и аромат бессменных, праздничных мандаринов всё же дурманил его. Он и мечтать не мог о большом праздничном столе, полном озорного крика и суетливого веселья доме и тепле родных ему людей. А о рождественском подарке он и думать не смел. Что это такое он забыл ещё, когда был совсем маленьким. У него было единственное желание продать картины, чтобы отдать деньги матери и увидеть её добродушную улыбку, обращённую к нему. Хотя на последнее он вообще не надеялся. Мать всегда презирала его.

Уже вечерело. И улицы постепенно начинали пустеть. Фонари зажигали свой искусственный свет и дарили некое, виртуальное тепло прохожим. Снег серебрился, хрустел как поп-корм под ногами, блеснул, словно зеркало повсюду. Съёженный, вечерне-морозный воздух заполнял всё вокруг. Изнурённый голодом и холодом, он продолжал стоять и думать о хорошем. Но все его тёплые, как капли летнего дождя мысли в один миг растворились, когда, не выдержав, он упал на обнажённую, сверху немного присыпанную снегом, землю и больше не смог подняться. А единственная мечта, хранящаяся в самом потаённом уголке его сердца, разбилась на множество мелких осколков страданий, которые никогда уже не сойдутся. Мгновенная, резкая, морозная дрожь охватила его, словно в лихорадке. Его лицо стало белым как снег, а руки совсем окостенели. Он поднял глаза ввысь и в последний раз взглянул на небо, такое же чистое и благодородное, как его душа и что-то прошептал невольно. Затем его замёрзшие веки ослабли, начали постепенно опускаться и вскоре закрылись навсегда. Больше никогда он не возьмёт в руки кисть. Больше никогда он не прикаснётся жестом младенца к жидкой глади полотна. И больше никогда он не сможет создать то неповторимое и вечное, то, что кроме него, не сможет сделать никто.

Поднялся шквалистый, порывистый ветер и завыл диким волком. Началась шальная буря и стала сметать всё на своём пути. Небо почернело. И всё вокруг превратилось в непрерывный хаос.

Но вскоре всё утихло и замерло в пространстве. Тишина и безмолвие безнадежно царили вокруг. В неприметном углу между двух домов лежал, не шевелясь, занесенный снегом человек. Но никто не замечал его. Люди в суматохе, ошарашенные неожиданными капризами погоды, пробежали мимо и даже не оглядывались на сугроб странной формы с видимыми очертаниями человеческого тела. И только природа сквозь невыносимую, тяжкую тишину пространства тихо оплакивала и провожала в последний путь безвременную ушедшую навечно жизнь. И луна, и звезды, и ночное небо приветствовали восхождение юной души и провожали её единым нетленным взглядом...

Они назвали ее Дашкой. Дарящая людям счастье...

Дашка появилась в их доме, когда ей был приблизительно месяц. Однажды мартовским вечером Он возвращался домой с работы, как вдруг на коврике у их квартиры обнаружился сверток с характерным писком. Ему ничего не оставалось делать, как поднять и принести его домой.

Она лежала на боку, свернувшись калачиком, не реагируя на Его появление. Она так и лежала уже второй месяц, лишь иногда вставая... после того, как умер их месячный ребенок.

Они были обычной советской семьей – Он инженер в строительном управлении, Она – бухгалтер в школе. Они были вполне счастливы, а уж известие о том, что у них будет ребенок, привнесло в их жизнь то, что приносит столь радостное для любой семьи известие. Но не случилось...

«Смотри, кого я тебе принес», – сказал Он с порога, разворачивая сверток. Из свертка, отряхнувшись, вылезло необычное существо – то ли хорек, то ли котенок. Существо было цвета топленого молока, с тонкой длинной шеей, ушками-кисточками и с огромными небесно-голубыми глазами. «Потомок внеземной цивилизации. Видимо, ее нам инопланетяне подбросили», – сказал Он – и рассмеялся.

Она еще не успела встать – а это маленькое славное существо уже облизывало ей лицо своим розовым шершавым язычком и требовательно пищало. Она улыбнулась! «Это же сямка! – сказала Она, – Давай назовем ее Дашкой». Эта порода кошек была редкостью в те годы. Считалось, что у них злой и своевольный характер. Но, как говорится, наши животные становятся похожими на нас. Дашка характером вышла в наших героев – доверчивой и наивной...

Дашка росла и радовала своих хозяев. Он начал выводить Ее гулять, а Дашка смиренно сидела у него или у нее за пазухой. Боль от несостоявшегося материнства утихла...

А потом наступило лето, и они уехали на дачу. Дашка вела себя как заправская хозяйка, гоня мышей. Но даже враги страшнее – соседские собаки – ее тоже не пугали – когда она смотрела своими глазами «Потомков внеземной цивилизации», они почему-то пятились, поджимая хвосты.

Так они и жили лет пять или шесть. Он, Она и Дашка.

Дашка всегда минут за тридцать до его прихода с работы садилась на подоконник – откуда-то она знала, что он уже выехал с работы домой. Для Нее это было сигналом – можно разогревать ужин. А когда Он появлялся во дворе, Дашка степенно прыгивала и шла к входной двери, горделиво поднимая хвост!

Но однажды Дашка начала метаться по квартире часа за два до

Прошло несколько лет. И люди, бродя по галереям, восторгаются великими шедеврами с надписью "неизвестный художник", которые теперь стоят миллионы. Но никто из них даже и не догадывается, что когда-то их создатель не получил за них ни гроша. А теперь его полотна находятся в одном ряду с Леонардо да Винчи, Пабло Пикассо и Сальвадором Дали. Мечтал ли он об этом, стоя в жутко морозный день, голодный, невозможно промерзая до самых костей? Нет. Он думал лишь о том, как получить за картины всего лишь несколько монет, чтобы принести их своей больной матери и голодной, двухгодовалой сестренке.

Его прихода с работы. Она пыталась успокоить ее, но все было напрасно!

Мобильных телефонов тогда не было, и печальную новость сообщили по городскому телефону.

Сорок дней Дашка просидела у порога их квартиры, как будто ожидая, что Он все-таки придет, лишь изредка по нужде оставляя свой пост.

На сорок первый день Дашка перебралась на постоянное место жительства в кресло, в котором Он сидел обычно, читая газеты после ужина.

Так их осталось двое – Она и Дашка.

Теперь, когда Она возвращалась с работы, всегда на кухонном окне среди ее цветов сидела Дашка, сверкая своими голубыми глазами.

Она не могла объяснить этих теплых чувств, которые вызывала у нее это грациозное существо, встречающее ее с работы, позволяющее иногда себя тискать и очень внимательно наблюдавшее за ней, когда Она делала свои домашние дела. Дашка словно бы говорила: «Извини – помочь не могу – я ведь Потомок Внеземной цивилизации. Домашнее хозяйство – это выше моего достоинства».

Прошло еще несколько лет.

Однажды Дашка перестала есть. Она обеспокоилась – как же так? Ей казалось, что Дашка будет жить вечно и они умрут с ней в один день... Во всяком случае, прожил же в Англии кот у одной особы тридцать пять лет!

Диагноз опытного ветеринара был неумолим – «Это старость. Дашка неизлечима, ее придется усыплять, иначе животное будет долго мучиться в агонии». И Она была вынуждена принять такое тяжелое для нее решение.

Самая страшная ночь была накануне – Дашка облила ее лицо своим шершавым язычком, заглянула ей в глаза. Она увидела, как две огромных слезы скатились из небесно-голубых дашкиных глаз. Дашка словно сказала ей: «Прости, но я уйду»...

Так Она осталась одна.

Подруги, собиравшиеся иногда у Нее по праздникам, вспоминали и мужа, и, конечно, Дашку. Иногда ей говорили: «Тебе Дашка заменила...» «Да никого она мне не заменила! Она мне просто подарила четырнадцать лет счастья».

Она больше не вышла замуж и не завела себе кошку.

Виктория Советская

Я НЕ ВИНОВАТА

Я иногда вру. Нечаянно. Совсем не хочу, а так как-то...

Например, давно, еще в первом классе... Это было зимой. Возле нашего дома была большая лужа, очень большая. Зимой она становилась очень даже приличным катком. Ребята приходили кататься со всего района. Совсем маленьких приводили родители. Мальчишки даже в хоккей играли. Хороший был каток! Я тоже ходила на него, только в валенках. Потому что коньков у меня не было. Ну и что? Конечно, мне тоже хотелось на коньках, но и так было тоже здорово, да и не я одна в валенках там бегала... В общем, я переживала, но не очень.

Но вот в один прекрасный день идем мы из школы, в сугробах следы портфелями печатаем. Тропинка вдоль школьного забора узкая, по одному идем, гуськом, и о чем-то болтаем... А за мной идет Колька Астахов. Чего идет? Ему вообще в другую сторону, через дорогу. А он идет... Проходим мимо катка, там катаются, конечно, как всегда. Те, кому в школу во вторую смену. Вот прибегут сейчас домой, быстренько коньки скинут, портфель в охапку – и в школу с мокрыми вихрами. А на каток выйдет первая школьная смена, сначала младшие (это мы), потом старшие. А вечером там уже все вместе – и первая и вторая.

В общем, идем, все у меня хорошо. Тут Колька сзади спрашивает:

– Линк, у тебя коньки есть?

– Конечно, есть! – говорю я и – брям – портфель в снег, дескать, у кого же их нет...

– И у меня есть. – Он тоже портфелем в снег – шварк! – дескать, хорошо, когда у всех есть коньки. – А у тебя какие?

– Фигурные, – это я свою мечту давно ему рассказываю. У моей двоюродной сестры в Москве есть такие коньки, на беленьких ботиночках. Она хорошо умеет кататься. Я однажды ходила с ней на стадион и даже прокатилась с дядей за руку. Мне очень-очень понравилось. Но у меня таких коньков не было. А какая разница Кольке?! Он ведь не знает и знать никогда не будет, а я вот сказала, и они у меня как будто взаправду есть. Мне даже веселее стало. Так стало хорошо, словно я вот сейчас приду домой, надею свои беленькие ботиночки с коньками и, как Роднина, буду на нашей луже лучше всех кататься...

– Пойдем вместе? – говорит вдруг Колька. – Я за тобой в шесть часов зайду... Пойдешь?

У меня аж сердце сжалось! Какой же ты противный, Колька! Чего ты тащишься нашей дорогой?! Тебе в другую сторону! Тебе вообще со школьного двора не в наши ворота, а в маленькую калиточку. Чего тебе надо?! И живешь ты от нашей лужи далеко. Вот заведи себе свою лужу и катайся на ней сколько угодно!

– Пойдем, заходи, – отвечаю спокойно так.

Он портфель свой из снега вытащил и солидно говорит:

–Пока! В шесть зайду.

–В пять! – какая разница?

– В пять тогда. Только ты уже готова будь: жарко в коридоре в одежде.

– Угу, – киваю, а сама думаю, покраснела я или нет.

Идет Колька уже обратно по тропинке, а я ему вслед смотрю и соображаю, зачем ему со мной кататься, не с кем, что ли больше, вот именно со мной надо!... Ну, нет у меня коньков! Отличник ты, Колька, и у тебя все есть. А у меня только пятерки, но я не отличница, потому что нет у меня коньков. У меня, Колька, еще и лыж нет. Мне их мама в “Прокате“ берет на физкультуру. Ты что, и на лыжах со мной покататься хочешь?

Свернула я к подъезду, плетусь в своих валенках серых по снегу, физкультуру ненавижу, Кольку ненавижу, думаю, у кого коньки взять? Ну, возьму, даже если с беленькими ботиночками, а кататься-то как, не умею ведь... Хотя плачь!

Бывает же невезение такое! А самое страшное впереди. Колька придет в пять, нужно будет ему что-нибудь соврать. Опять! И он уж точно догадается. И всем, конечно, расскажет, что нет у меня никаких фигурных коньков, что кататься я не умею. А главное – придет Колька аж с другой улицы, поднимется в теплом своем пальто и заячьей ушанке на пятый этаж, будет ему в коридоре жарко – а я ему совру снова. Что же это за наказание!

Пришла домой, уроки очень старательно сделала, аккуратненько, чистенько. Басню выучила и природоведение прочитала. Не такой уж я и конченый человек... Вот, какая я прилежная! И в тетрадках чисто, и после школы я не по каткам брожу, а книжки читаю!...

За окном так красиво! Но мне гулять даже не хотелось, а сидела я, затаив дыхание, и все мне казалось, что Колька стоит у подъезда, стоит и сторожит, побегу ли я куда-нибудь коньки искать... Потом за окном посерело, потом посерело еще больше, и чувствую, что скоро пять часов, а думаю вот о чем: самое главное теперь, чтобы Колька пришел без опоздания, пока папа с мамой с работы не вернулись. Тогда я дверь ему могу не открыть, как будто нет меня. Нет – и нет! Я, может, не утерпела, пошла с девчонками кататься, а там мы просто не встретились с ним, потому что не встретились, не нашлись... Катаюсь я...

В дверь коротко и скромненько звякнули. Я затихла. Снова звякнули. Потом длинный-длинный звонок... И тишина...

...Прости меня, Колька!...

Верочка сидела и плакала. Она была вообще немного плакса, плакала довольно часто и по не совсем печальным поводам, чаще по мелочам. Поэтому к её плачу относились без особого внимания: ну жалели, ну сочувствовали, но как-то вскользь.

Но это был совсем другой случай. Ростислав Петрович никак не мог закончить своё дело, а дело было срочное. Ростислав Петрович был одним из немногих мужчин, работающих в школе-интернате. И конечно благодаря ему был создан детский оркестр, куплены музыкальные инструменты. Ростислав Петрович, высокий худощавый мужчина с тёмными волосами, был одинок. Дети и музыка – это была вся его жизнь. У него не было детей, но все дети интерната были его дети, особенно те, которые были привлечены в оркестр.

И вот эти дети, а уже не одна только Верочка, сидели и плакали. Точнее, плакали только девочки, мальчишки были серьёзны, но если честно, глаза у них были тоже на мокром месте.

Умерла Вера Васильевна – любимая медсестра школы-интерната. Любимая – всех детей. Кажется, она была здесь всегда, всю жизнь. Она была не то чтобы всем мама, не то чтобы была очень ласкова. Уж скорее доброта светилась в её улыбке, иногда даже в нахмуренных бровях. Одна черта отличала её от других взрослых, педагогов, обслуживающего персонала – это справедливость. Вера Васильевна была всегда справедлива и добра. Это почему-то важно именно в таких учреждениях, где дети считаются трудными, где характеры, где сложные отношения, где обделены. Вера Васильевна умела понять и простить. У неё не было любимчиков, даже самый хулиганистый парень Сева Чурбанов, от которого стонал весь интернат, дети и взрослые, казалось, был ей дорог так же, как и отличница Алёна.

И вот теперь приближались похороны, и у Ростислава Петровича стояла задача – за полтора дня подготовить с оркестром похоронный марш. Он хотел почему-то подготовить марш, написанный Бетховеном, это было трудно, надо было упрощать мелодию, раскладывать для разных инструментов, это всё срочно, и потом, дети – это ведь не музыканты.

Но он не учёл самого главного: как только грустные ноты за-

полняли оркестровую комнату, дети начинали плакать, слишком они любили свою Веру Васильевну. И дело совершенно не двигалось. Ростислав Петрович уже и курил, и объявлял перерыв, и отправлялся гулять, но дело не сдвигалось с абсолютно мёртвой точки.

Его педагогического дара не хватало, чтобы решить эту проблему. Хотя он был не просто хороший музыкант – иногда возникало ощущение, что мелодии непрерывно витают в его голове, вызывая в нём какую-то заметную рассеянность, несосредоточенность. Он был прекрасный педагог, дети всё время ходили за ним вереницей, да и не было более популярного учителя даже для мальчишек, а ведь он не был учителем физкультуры или труда.

И решение нашлось неожиданно, и нашлось оно в том, что он любил больше всего на свете – в музыке. Ростислав Петрович зашёл в класс, осмотрел ребятшек, сделал небольшую паузу...

– Отставить слёзы и сопли! Учим марш в быстром и весёлом темпе.

Попробовали первые ноты. Все были как-то насторожены, напряжены. Не верилось, что из этого что-нибудь получится. Ростислав Петрович открыл окно. Свежий воздух ворвался в комнату. Было странное ощущение, как будто начали играть совсем другую мелодию.

Слёзы потихоньку начали высыхать, дело сдвинулось. Не сказать, что всё пошло легко и просто, но если дело двигалось, то в этом Ростислав Петрович был профессором – он абсолютно хорошо умел управлять оркестром. Дети играли всё более слаженно. Они уже вникли в ноты, аккорды, необходимость играть в оркестре отвлекла их мысли от трагедии. Звучание становилось всё лучше и лучше.

На другой день оркестр стал играть в медленном темпе. Уже никто не плакал, музыка забирала все эмоции. Игра становилась всё лучше и лучше, и порой уже казалось, что играет настоящий полноценный оркестр.

Когда обессиленные дети выпустили инструменты из дрожащих пальцев, на душе у них было легко и спокойно. Они были полностью готовы к завтрашнему дню.

Немного юмора добавим в этот чудесный день весны...

Реальная история, имена изменены, диалог сокращен и отредактирован.

Один мой приятель вместе со своей коллегой по работе сфотографировался для ведомственной газеты.

Увидев их фото, я позвонил ему и сказал:

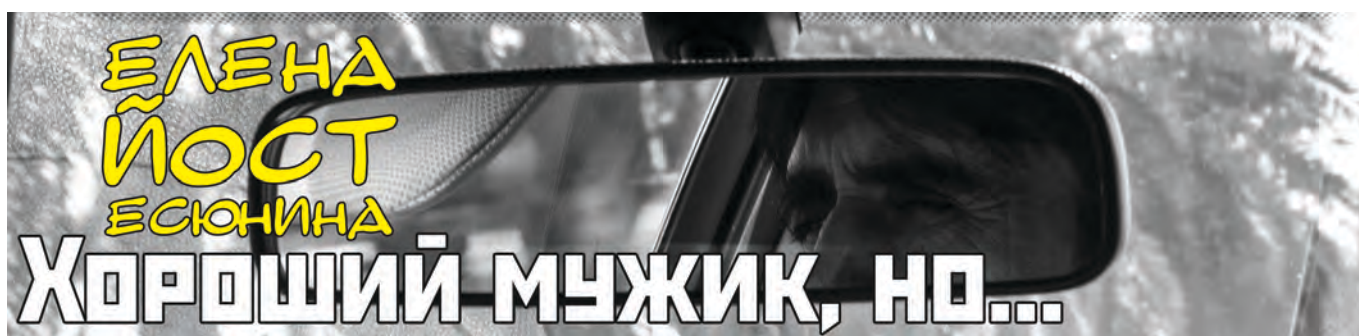
– Классно вы с Леной смотрите на фотке!

На что он полушутя-полусерьезно ответил:

– Да я, друг мой, с любой девушкой хорошо смотрюсь в паре!

Тогда я немного поразмыслил и сказал ему в том же тоне:

– Да нет, Игорек, это Лена с любым мужчиной хорошо смотрится...

Родилась 27.03.1956 г. в Баку. В 1978 г. уехала в Казахстан, в город Ермак (ныне Аксу) Павлодарской области. По образованию инженер-строитель. В 1993 г. в статусе беженки переехала в Саратов, в 1998 г. эмигрировала в Германию, в город Вупперталь, Северный Рейн-Вестфалия. Публиковалась в нескольких альманахах российских региональных литературных обществ, в альманахе с публикациями номинантов премии "Наследие-2015". Член Российского союза писателей.

"Вот и закончился отпуск!" – грустно вздохнув, подумала Кира. В общем-то, до отъезда оставалось ещё четыре дня, но прощальный визит на родительскую могилу всегда был как бы точкой. Именно он означал окончание отпуска. Смахнув с чёрной гранитной плиты прилипшую пушинку какой-то степной травы, Кира окинула в последний раз дорогой сердцу квадратик земли...

– Ну всё, мои хорошие, я пошла. Покойтесь с миром. Не скачайте. Мамочка, не терзай отца своими претензиями – всё равно уже не перевоспитаешь! Мы все о вас всегда помним...

Голос Киры задрожал, и, утерев наплавившую слезу, она быстро пошла к кладбищенским воротам.

За те несколько минут, пока шла к остановке, в душе наступил покой и обычная после посещения последнего родительского приюта светлая радость.

Хотя время было совсем не позднее, не было никакой уверенности, что хоть какая-нибудь маршрутка ещё придёт, и, приложив козырьком ладошку к полю уже не новой, но любимой шляпы, Кира пристально вмастривалась в горбатый пригорок горизонта – именно оттуда выныривало всё, движущееся на колёсах.

Водители пробегавших мимо всех мастей и "пород" легковушек по-разному реагировали на стоящую у обочины Киру: те, что наслаждались одиночеством, с интересом оборачивались и слегка притормаживали, приглядываясь, сопровождавшиеся же своими "вторыми половинами", сидели, "не повернув головы кочан, и чувств никаких не изведав"¹ – у таких взгляд влево, взгляд вправо равносильны попытке измены.

Машины всё бежали и бежали, притормаживая или, наоборот, газанув – в зависимости от "комплекта" пассажиров, – а маршрутки так и не было. Вот сверкнул намытыми боками ещё один "бункер на колёсах", но, проехав было "пост" Киры, неожиданно затормозил и сдал назад. За рулём сидел очень добропорядочного вида товарищ, и поэтому Кира, собрав всё своё мужество и бесстрашно приняв безмолвное приглашение, как бы милостиво, с достоинством уселась на соседнее с водителем сиденье.

– Вам в город? Я могу подбросить вас хотя бы до площади, где все маршрутки собираются, а то не факт, что вы ещё сумеете отсюда выбраться.

– Ой, спасибо вам огромное! Не знаю, что бы и делала – в пору хоть пешком идти.

Краем глаза Кира уже разглядела седые, как лунь, волосы, такие же, щёткой, аккуратно подстриженные усы, рубашку красивого кремового оттенка... Прямо в тон кожаной обивке кресел. Единственным "минусом" был перстень на пальце – ну не нравились ей все эти "новорусские" выпендроны! Приглядевшись, всё так же исподтишка, она простила и этот перстень – был он довольно скромным, не большим колесом от Камаза, а больше похожим на женский, с одним довольно приличным бриллиантом.

– Отважная вы женщина – садитесь к незнакомому мужчине в машину...

– Да кому я, старая кошёлка, нужна – вон, молодых красивых вокруг вагон и тележка!

¹ Строчка из стихотворения В.В. Маяковского «Стихи о советском папороте».

– А вдруг я маньяк?! Вот увезу вас сейчас...

Голос "маньяка" звучал спокойно, негромко.

– Что ж, придётся выпрыгивать тогда на ходу!

– Не получится, двери заблокированы.

– А зачем вы их заблокировали? – сердце как-то неприятно обдало холодком.

– Да вот такой я маньяк! Зовываю симпатичных женщин, а потом... Перелесков-то много!

Не отрывая взгляда от дороги, водитель заулыбался. Одними глазами. Но Кира заметила это.

– Не пугайтесь, они сами блокируются – система такая.

– И что это за машина у вас с такими наворотами, как называется?

– Range Rover. Английская.

– Ну, англичане! Ну вот всё, всё для маньяков! – рассмеялась уже и Кира. – А где у вас здесь можно ремень-то пристегнуть? – тщетно оглядываясь в поисках пряжки, спросила Кира. – Или у вас это не обязательно – пристёгиваться?

– Да можете не пристёгиваться, ничего страшного.

– А вас не оштрафуют из-за меня, если я не пристегнусь?

– Да нет, не волнуйтесь, не оштрафуют.

Впервые в жизни Кира ехала в такой шикарной машине, и, утонув в глубоком, кремовой кожи сиденье, наслаждалась комфортом продукции английского автопрома.

– А вы с кладбища? Кто у вас здесь лежит?

– Родители.

– Часто навещаете?

– Да как приезжаю, так несколько раз непременно бываю. До следующего приезда.

– Так вы в отпуске?! – полуутвердительно-полувопросительно произнёс "маньяк". – И откуда прибыли, если не секрет?

– Да нет, какие уж секреты?! Из Германии.

– И давно вы там?

– Давно.

– Всей семьёй? – поинтересовался, плохо скрывая возникший к Кире интерес.

– Ну, если можно это назвать "всей семьёй"... С детьми. Родители были здесь, сестра с семьёй в Америке.

– Муж?

– Муж тоже в Германии, но мы с ним давно уже не живём вместе, так что отнести его к семье... Ну если только с большой натяжкой.

Кира отвечала не кокетничая, не пытаясь заинтересовать своим одиноким положением, и это было заметно, такое отсутствие какого бы то ни было кокетства.

– Ну вот! И за что же вы его, бедного, бросили?!

– А из чего вы сделали вывод, что это я его бросила? Совсем наоборот, он меня. Сильно родню любил. Ну да Бог с ним.

Разговаривать с "маньяком" было просто, без какого-либо мажорничанья с обеих сторон.

Зазвучал ринг-тон мобильного. Что-то то ли из Моцарта, то ли из Гайдна... "Маньяк" ответил:

– Да, Вика, скоро, наверное, буду. Час пик, пробки везде. О делах поговорим дома, я сейчас за рулём.

– Жена? – поинтересовалась спокойно Кира.
– Да, она. Мы должны ещё сегодня кое-куда с ней пойти, вот она и волнуется, успею ли я ко времени добраться домой.
– Если бы не я, вы, наверное, уже были бы дома, а я вас невольно задерживаю.

Кира уже давно поняла, что едут они совсем другой, не к площади ведущей дорогой, да и площадь, судя по всему, осталась уже где-то сбоку и сзади, но никак не отнесла это к своей персоне: мало ли что – пробки на дорогах, например?!

– Судя по машине, у вас свой бизнес? – предположила Кира.

– Да, своя небольшая юридическая фирма, мы с женой оба заняты ею.

– И как? Успешно?

– Да по-всякому. Когда как. Бывало, что и с нуля приходилось опять начинать. Сейчас проще стало, не то что в конце девяностых – не знали, живы ли останемся.

Так, слово за слово, доехали до места, где Кира уже смогла сориентироваться и высадиться, чтобы не задерживать и так приподнявшегося из-за неё человека.

– Вы высадите меня здесь и скажите, в какой стороне остановка маршрутки – отсюда-то я уж точно до дома доберусь!

Оказалось, что они находятся на улице, параллельной той, которая была Кире хорошо знакома. Натянув снятую в пути шляпу, Кира выпрыгнула из довольно высокого для неё салона на тро-

туар и, немного смущаясь от предстоящего прощания, несколько быстрее, чем за минуту до этого момента, затараторила:

– Ещё раз, огромное вам спасибо! Если бы не вы, то, наверное, до сих пор бы торчала у кладбищенских ворот! Всего доброго и хорошего вечера!

– И вам всего хорошего! Ну вот, как видите, я оказался совсем даже не маньяк!

– А жаль! – сказала, как выстрелила, Кира, и впервые пристально посмотрела прямо в глаза своему случайному благодетелю.

Такой прыти даже она сама от себя не ожидала, но несостоявшийся маньяк быстро сориентировался:

– Ещё не поздно всё изменить!

– Поздно, я через четыре дня уезжаю.

Этот довод "маньяка" не смутил:

– Но и четыре дня – это срок!

Кира на секунду задумалась и...

– Я – Кира. Пишите телефон.

За оставшиеся четыре дня звонка так и не последовало. Возможно, он просто не застал Киру, но ведь если кто-то очень хочет, то непременно дозвонится.

Да, хороший мужик, но... НЕ МАНЬЯК!

09.11.2013 – 18.06.2014

Принято считать, что это – драгоценности...

Нет. Я расскажу о настоящей. Не в рекламных целях, конечно. Была счастливая история в моей жизни!

Появился у меня новый мужчина. Моложе меня, стыдно сказать, лет на пятнадцать.

Не альфонс. Работает – засмотришься. За руками следить – одно удовольствие. Всё в них спорится... Автогонщик. С машинами любой модели – на «ты». А глаза!... Нагло – голубые, взгляд дерзкий, губы чувственные. И усмешка человека, знающего своё превосходство.

Как это случилось? Оторвала я взгляд от его рук, легко откручивающих болты-гайки на ходовой моего вальжного авто, взглянула в его мальчишеские глаза и поняла, что пропала...

Интересно мне с ним. Непредсказуем в любой ситуации. Какие пируэты на заснеженной трассе выписывал, в какие виражи входил – дух захватывало!

Главное – говорил он – научиться расслабляться так, чтобы слиться с машиной в одно целое. А потом сконцентрироваться, и управлять ей, как своим телом.

Встречались мы не так часто, как, может быть, мне хотелось. Но уж если встречались, то запоминалось это надолго!

8 марта решили провести с ним на даче. После Нового года там не были, выехали заранее, чтобы расчистить снег на площадке для двух машин.

А я решила сама себе подарок сделать. Как-то перед этим я ходила в аптеку и в долгой очереди рассматривала различные коробочки с разным названием, но одним назначением – поднять мужскую силу. И всё удивлялась – для мужчин есть. А где для женщин? Мне-то не надо, скорее уж, наоборот, что-нибудь для понижения влечения. Но что за дискриминация такая? Мужчинам – вон какой выбор, а для женщин – ничего!

И вот однажды я увидела коробочку с одной-единственной таблеткой по немыслимой цене с надписью «для женщин». Ну как

тут устоять от соблазна узнать, что же это такое? И действительно ли такой потрясающий эффект? Ну ведь были же века три назад «шпанские мушки» для дам, и пользовались мушки невероятной популярностью... Любопытство первопроходца взяло верх, и я купила таинственное средство. По инструкции, таблетку следовало проглотить за час до предполагаемого действия...

И вот – мы на даче, с лопатами, копаем траншеи в уже слежавшемся снегу. А в голове у меня одна мысль: «Что же я таблетку так рано приняла?» Ну никак я не могла предположить, что снега будет – по пояс, и вместо десяти минут нам придётся «откапываться» целый час!

Остановилась я на минутку. Перевела взгляд от лопаты на ослепительное мартовское солнце на высоком прозрачном небе... Потом – на моего раскрасневшегося визави, лихо бросающего снег, и вдруг...

Я реально почувствовала, как меня накрывает волна нестерпимого желания... Тут и сейчас, на снегу, под звон капли, на куртках, от которых идёт пар от наших тел... Я аж головой замотала, чтобы стряхнуть с себя наваждение...

Одно утешало – создатели чудо-таблетки уверяли, что действие её продлится несколько часов...

И мы действительно успели! После душа, у раскалённой печки, под звон бокалов с шампанским произошло то, что заставляет забыть о разнице в возрасте, сословии, доходах и менталитете – волшебство соединения мужчины и женщины.

И таблетка тут была ни причём... Она – всего лишь пустышка, и если настоящего желания быть с этим человеком нет, то никакая виагра не поможет...

Прошло несколько лет. С тем молодым человеком мы расстались. Но до сих пор я вспоминаю ослепительное солнце, высокое небо, траншеи в хрустальном снегу, его насмешливый взгляд с чувством превосходства и волну одуряющей радостной страсти... Это ли не счастье?

I

Все тело било лихорадочной дрожью, зубы стучали. Она никогда и не догадывалась, что они могут стучать так громко. А за окном равномерная смена кадра – лысоватые поля, перемежающиеся с сочно зелеными лесами. Зеленый цвет – цвет жизни. Сейчас этот цвет стремительно несся мимо, безнадежно оставаясь по ту сторону реальности.

А по эту – ужас и застывший в горле крик. Она затравленно оглянулась вокруг. Вооруженные люди, с красивыми каменными лицами. Их глаза. С липким ужасом отметила, что в них, как у насекомых, застывшей картинкой отражалась черно-белая действительность. Без эмоций. Ей захотелось заскулить.

Вагон был пуст, но все почему-то стояли. От сильного толчка, она чуть не потеряла равновесие, но удержалась, ухватившись за спинку сиденья. Снова украдкой метнула взгляд в лицо надсмотрщика. В эту секунду, ее сознание, на удивление трезво отметило, что ни он, ни остальные охранники ни разу на нее не посмотрели.

У нее была красота, неизменно притягивающая восхищенные взгляды мужчин. Но сейчас эти люди ее не видели, она больше не существовала, слившись с серой искаженной реальностью. Время деформировалось в пульсирующую воронку, засасывающую ее целиком. Она не знала, куда ее везут и кто эти люди. Понимала лишь, что назад дороги не было. Поезд навсегда увозил ее в черную смоляную неизвестность.

II

Звонок раздался хорошо за полночь. И как всегда, при звуке телефона, он почувствовал тошноту и спазм в низу живота. Новое задание, новая жертва. Но он снова и снова совершенно сознательно делал этот выбор.

За свою весьма успешную карьеру он, совершенно безнаказанно и не замечено смог спасти не один десяток жизней. Но каждый раз, перед очередным заданием его сердце сжималось неудержимой тоской и ужасом беспомощности: “А вдруг, не получится!”

В этот раз ситуация была чрезвычайной. Услышав имя жертвы, он побледнел и опустился на стул. Конечно же он Ее знал! Она была необыкновенная. Они не были знакомы лично, но он всегда издали любовался красотой и светом, исходящим от нее. Она казалась по-детски непосредственной и незащищенной.

Перестало хватать воздуха.

Вдруг, неожиданно для самого себя он понял, что всей душой любит этого дорогого и чистого человека. Это открытие поразило его чуть ли не так же, как и то, что он должен был с ней сделать.

III

“Сценарий” – (личное пожелание жены шефа) поражал своей болезненной извращенностью. Девушка обвинялась в патологическом психическом расстройстве, би-полярности и, как следствие, в угрозе для здорового общества. Нужно было не только устроить ее исчезновение, но и точно следовать разработанному извращенному плану с тем, чтобы жертва прошла все стадии пыток и мук. Предполагалось вывезти ее из города и, подготовив все необходимые документы, организовать серию мучительных операций по смене внешности и пола, с тем, чтобы она до конца дней осталась в сумасшедшем доме.

Времени оставалось крайне мало. Документы подтверждающие умопомрачение, на фоне которого и должны были произойти ряд операций, уже были готовы. До страшных пыток оставались сутки. Надо было думать и спасать.

Он знал и верил, что Бог не оставит и случится чудо...

Мать вошла, держа в руках пластиковый пакет с каким-то растением.

– Представляешь, кто-то выбросил такого красавца, – с удивлением объяснила она дочери. – Ты посмотри, какие листочки у него забавные... Как ладошки. Атласные... А может, его потеряли?

Дочка вздохнула: мама опять говорит глупости.

– Это ж не иголка, чтобы терять! Выбросили, кому он нужен? Посмотри, сколько экзотических диковинок сейчас в цветочных магазинах! Цветут! А этот, наверняка, не цветет. Где ты его нашла?

– Около мусорного бачка.

– Ты бы еще в мусорный бачок залезла! Ладно, мама, я уезжаю.

– Что? Что ты сказала? – женщина оторвала взгляд от растения и с недоумением воззрилась на дочь.

– Уезжаю я, мама! – с легким раздражением повторила девушка. – Меня Марк забирает в другой город. Мы там будем жить.

– Как там? – засуетилась женщина. – Что ж ты раньше не сказала? А я как?..

– Мама, я выросла, и у меня своя жизнь... Все. Вещи я сложила.

Пока!

Она чмокнула мать в щеку, подхватила сумку, которую женщина сначала не заметила.

– Муська, пока! – махнула девушка кошке. – Mam, я буду звонить! – и вышла.

Женщина подошла к окну, прижалась лбом к прохладному стеклу. Вот во дворе появилась ее дочь, гибкая, легкая, с причудливо завязанным узлом пышных кудрей, ее дорогая, ненаглядная Оксаночка. Она остановилась перед серебристой машиной, закинула сумку в багажник, потом подняла глаза к окну, сияюще улыбнулась, помахала рукой и умчалась.

Женщина опустила на стул. Как же она будет жить теперь? Одна...

Осторожно мурлыкнула кошка. Женщина очнулась. Кошка, не мигая, смотрела на хозяйку желтыми глазами. Уже истаял сверкающей глыбой день, и в дом, как темная вода, неслышно просочились сумерки.

– Пойдем, Муська, я тебя накормлю, я тебе тут утром рыбки купи-

ла. А потом найденыша пересадим в горшок... Как же мы одни-то жить будем?... А? Ладно, Мусенька, не тоскуй... Знаешь, некоторые люди живут без ноги. Или без руки. И ничего – привыкают... – продолжала хозяйка разговаривать, глядя, как кошка ест рыбу. – Может и мне поесть? Я, вроде, ничего не ела...

Дочь вернулась через три года. Матери дома не оказалось, и она с облегчением вздохнула: объяснения откладываются на потом. В квартире все было по-прежнему, только в изголовье дивана возвышалось растение с пятипальными листьями. На одной из веток, как цветок, красовался пышный бант, с которым когда-то Оксана ходила в школу.

В комнате девушки было очень чисто, словно ее ждали. Дочь бросила сумку в шкаф и села на свой старомодный диван.

– Муся, Муся, кис-кис! – позвала девушка кошку.

Но кошка не откликнулась.

«Сбежала, поди», – усмехнулась про себя девушка, она вытянулась на диване, подложив под голову свою детскую игрушку – плюшевого медведя и задремала.

– Ну, как день прошел без меня? – услышала она сквозь дремоту голос матери.

Открыла глаза, дверь ее комнаты была закрыта. Интересно, к кому мать обращается? Видимо она отворила окно, потому что стал

доноситься легкий шум деревьев.

– А я тут удобрение купила, говорят, витаминизированное, – опять зазвучал голос матери. – Вот этот пакетик надо растворить в воде, и по столовой ложке добавлять в литр воды... Как я устала сегодня на работе!.. А тебе было скучно?

У Оксаны мурашки побежали по коже: ее мать сошла с ума. То, что матери никто не отвечал, подтверждало предположение. Мать не разговаривала вслух, как это бывает у старых людей, она явно с кем-то беседовала. Девушка затаилась.

– Что-то доченька давно не звонит... Сегодня сердце у меня болело, беду чует. Это как перед смертью Мусеньки... Уж как она тосковала по Оксаночке! Ведь они выросли, можно сказать, вместе. Ладно, лапушка, я отдохну немного. Тебе, может, телевизор включить? Или музыку? Твою любимую?

Тихо зазвучала музыка, и кроме легкого шума деревьев, больше ничего не доносилось.

Оксана неслышно поднялась с дивана и с замиранием сердца приоткрыла дверь. Мать лежала на диване, прикрыв глаза. Ее лоб и плечи закрывали листья растения. Они трепетали, гладили ее и нежно шелестели.

Сентябрь 2008 год

Она очнулась в чистой, светлой, не своей, комнате. Рядом на кровати сидела ее прабабушка. Девушка протерла глаза; этого не могло быть, не могла прабабушка сидеть на ее кровати, потому что умерла шесть лет назад. Зажмурилась крепко-крепко, снова открыла глаза – ничего не помогало, прабабушка была тут, ласково смотрела на нее, протянула руку, чтобы погладить по голове. Девушка вжалась в кровать.

– Не бойся меня, внученька, я не сделаю тебе ничего плохого.

– Где я? Почему ты здесь, тебя ведь нет?! Что это? Сон? Мне страшно, и я ничего не понимаю. Свет, как много света, почему столько света? – сыпались вопросы.

– Это не сон, милая. Это ПЕРЕХОД, – ответила старушка.

– ПЕ-РЕ-ХОД, – задумчиво повторила девушка, – ЧТО? ПЕРЕХОД? Какой еще ПЕРЕХОД?

– ПЕРЕХОД – это место, где человек находится между жизнью и смертью, ты уже не там, но еще и не тут, приговор не вынесен, судьба твоя еще не решена окончательно.

– Как я сюда попала? Что со мной произошло?

– Ты не помнишь?

– Нет, ничего не помню.

– Я тебе покажу. Закрой глаза.

Старушка положила свою мягкую теплую ладонь на лоб внучки. Через секунду девушка напряглась и вытянулась, как струнка; она увидела огромную, неуправляемую «Сканию», которая выскочила из-за поворота и на полном ходу ударила их новенькое «Пежо-308». Сработали подушки безопасности, все, как по команде, кроме одной, той, которая должна была спасти бедную девушку. Искоренная машина, много крови, полиция, спасатели, реанимация; все бегают, кричат. Ее муж жив, ранен, но в сознании. А она... Прабабушка тихо плакала, утирая своей мягкой рукой обильные слезы; она уже видела всё это. Произошедшее было так ужасно, что девушка не могла даже кричать, она лишь судорожно хватала ртом воздух, старушка отняла ладонь.

– Этого не может быть, слышишь, не может быть! Я не хочу! Вот так, сейчас. У меня же завтра День рождения! Бабушка, милая, я не хочу умирать в двадцать пять лет! Девушка плакала, упав на грудь своей прабабки. – А мой муж? Как же он без меня, а я без него? Я не могу без него, бабушка, я так сильно люблю его! Люблю жизнь! Я хочу жить, хочу иметь детей, видеть, как они растут. Я не хочу умирать! Я хочу обратно!!! – кричала девушка.

– Успокойся, успокойся, родная, – гладила старушка внучку, –

ничего уже не сделаешь. В ПЕРЕХОДЕ от тебя ничего не зависит. Надо ждать.

И они ждали. Девушка всё плакала и сквозь слезы тихо, как молитву, твердила: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, прошу тебя». Она сама не знала, к кому обращалась, но чувствовала, что должна попытаться. Прабабушка сидела, прикрыв глаза, она тоже плакала и страдала вместе со своей любимой внучкой.

– Ей пришел срок, – вдруг раздался откуда-то сверху спокойный голос, – твоей внучке пора.

– Но я не хочу, – закричала девушка, – я не могу вот так уйти, я же ничего еще не видела в жизни, я ничего не сделала, даже ребенка не успела родить, я уже тоскую по моему мужу, по всему земному. Ты же знаешь, как я люблю жизнь!

– Я знаю, но я должен забрать тебя.

– А мой муж? Что будет с ним?

– С ним всё будет хорошо. Он справится с потерей. Его любовь к тебе людского происхождения. Она вспыхивает, горит и постепенно угасает. Твой муж сможет начать новую жизнь и дожидается своего времени. А твое место здесь. Ты не вернешься, – был ответ.

– Но пожалуйста. Я очень тебя прошу. Ну хоть не надолго. Умоляю!

– Ты не вернешься!

Бедняжку, наконец, вырезали из машины. Подскочили врачи, что-то кололи.

– Разряд, – кричат.

– Пульса нет!

– Еще разряд!

– Пульса нет!

Потом еще и еще.

– Пульса нет.

– Зрачок на свет не реагирует.

– Большая потеря крови.

Рядом муж, тоже в крови, больше в ее:

– Дыши, слышишь, милая, давай, дыши! Ну, я прошу тебя, родная, дыши! Ты не можешь умереть. Ради меня, ДЫ-ШИ!!! Господи, прошу тебя. Бедный парень в иступлении. Его не могут оттащить от жены.

Чей-то голос, как из пустоты:

– Мы ничего больше не можем сделать. Время смерти 21 час 45 минут.

«У тебя голос, как у Дженис Джоплин, только ты гораздо красивее!»

Это да, что есть – то есть. Потертые джинсы, плетеный шнурок вокруг головы, на руках – фенечки, 18 лет. Вот и вся красота! Я бросаю взгляд на свое тонкое запястье (оно всегда таким будет? а через 20 лет?) – переплетение разноцветных браслетиков-фенечек. Вот эта, сине-белая – любимая. Однажды он сам надел мне ее на руку: «Ну все, теперь ты моя!» Я усмехаюсь: «Вот как! Разве ты забыл, что ничто и никто никому принадлежать не может, и нежелание это понять – основная причина страданий?» – «Кто это сказал?» – «Будда» – «А-а... ну-у-у, – он слегка замешкался, – а я больше пофигист, чем буддист! Мне пофигу!»

Такими мы и были. Мы, как губка, впитывали модные философии, мы ужасно много читали, курили и слушали рок-музыку, мы взалхлеб спорили о вечном и великом. Мы были убежденными пацифистами. Хиппи замеса лихих 90-х. Эпоха была добра к нам, и наши длинные волосы не выражали никакого протеста. Просто нам так было удобнее познать мир. А даже если б и выражали, вряд ли бы это кого-то возмутило. Все были слишком заняты – делали деньги, ковали власть, искали свое место под солнцем. Много всего происходило в 90-е...

«Ты моя, и точка!» (Все-таки я невозможно счастлива) «Спой для меня», – и он протягивает мне гитару. Мы сидим на газоне в центре города, вокруг весна, и наверно, что-то еще, но мы видим только весну, а неодобрения некоторых прохожих, наоборот, не замечаем. Я пытаюсь увидеть его свежим взглядом – мое любимое развлечение. Густые темные волосы, карие глаза, рубашка, как у Джима Моррисона, только круче – с автографом Майка на рукаве. А под рубашкой – прекраснейшие плечи в мире. Когда он меня обнимает, я чувствую его силу и властность. Я немного их побаиваюсь и совсем не знаю, что мне с этим делать. Мне всегда больше нравились невысокие скромные отличники, мальчики предсказуемые и положительные. Но так получилось... Теперь сижу и пою тут на газоне, как Эдит Пиаф... Воробушек Екатеринбург...

Однажды выдался День города. Над нашими головами расцветали невероятной красоты букеты, а мы целовались в каких-то кустах, до одурения, аж губы болели. Из-за кустов нам весело кричали: «Идите к нам пить пиво! Пусть Дженис споет!» С его легкой руки меня так и прозвали – Дженис. Нам было смешно, что нас никак не оставят в покое. Неожиданно он посмотрел на меня внимательно: «Исчезнем?» Мое сердце замерло от ужаса и восторга – как на качелях! И он потащил меня сквозь веселую толпу, потом мы бежали – «сталинскими» темными дворами, я не понимала, куда он меня ведет, но ощущение большого приключения не позволяло об этом спросить – оно само выведет нас, куда задумано.

Темный подъезд, высокие двери. Он открывает одну ключом, щелчок выключателя – и нежнейший золотистый свет заливает красивую и современную прихожую. Я представляю, как выглядит сама квартира! «Ого! Это каких-нибудь друзей?» – «Нет, моя». Художественное фото на стене не оставляет сомнений – с него смотрит темноволосый мальчик, у него знакомый внимательный взгляд. «А я думала, ты в общаге живешь!» – «А я и на самом деле в общаге живу. Ну, чаще, чем здесь... Пойдем ко мне в комнату!»

Я с удовольствием плюхаюсь на диван. Так я кажусь себе более

уверенной. Хорошо, что он знает, что я никогда и ни с кем... Я уже думала о таком повороте событий и не позволила своей бурной фантазии надеть себя десятком любовников, искавших моей свободной любви. Я беру со стола книгу – «Улитка на склоне». Ну, эту можно с любого места... Мы тогда зачитывались Стругацкими, и для нас их книги были – как библия. Давали ответы на все вопросы. Он возвращается в комнату с чашкой зеленого чая – помнит о моем пристрастии к этому напитку. «Дженис...» – я почему-то не могу поднять на него глаза...

– Слушай, тут у Стругацких написано, что ни доброта, ни честность не помогают прогрессу и движению вперед. Ну, для прогресса – это качества нейтральные... Что ты об этом думаешь?

– Я? Наверно, я не очень люблю прогресс...

– А что ты любишь?

– Музыка, книги, свою жизнь, и...

– И?

– Тебя, – он говорит, не глядя на меня...

Я не знаю, что ответить... Мальчик-хиппи в этой шикарной квартире... Но эту ночь, и фейерверки за окном, и мягкость плеча, и мудрость Стругацких, и аромат чая, и то, что непременно произойдет – люблю... И я выдыхаю:

– Люблю...

– Дженис, ты только не волнуйся... Я ведь еще давно, как только ты подошла к нам тогда с гитарой, в первый раз... Еще тогда...

Было дело... В веселые 90-е чуть ли не каждые летние выходные в нашем городе что-то праздновали. Мне нравилось в такие дни гулять по городу с гитарой и знакомиться с людьми. Однажды я подошла к компании, в которой и оказался мой первый мужчина, спела песню, и навсегда стала для него «Дженис».

– Было дело, – говорю я и откидываюсь назад. И наконец-то поднимаю на него глаза...

Ночь смыкает над нами свои волны, и его плечи действительно красивейшие в мире, и пацифик на его груди, и россыпь фейерверков за окном – все это часть этой ночи, и когда она заканчивается, и мы идем курить на кухню – мы уже совсем не такие, как вчера.

А потом было много всего – прав Митяев, сказавший, что лето – это маленькая жизнь. И пацифик с его груди перекочевал на мою. Я его долго носила, а потом он потерялся – порвалась цепочка. Я купила точно такой же, и до сих пор его ношу. Фенечки тоже постепенно исчезли с моих рук – перетерлись нитки, и бисер рассыпался. Но сине-белая продержалась дольше всех, и даже через пять лет, надев свадебное платье, я ее не сняла. Я вышла замуж за другого – полюбила и вышла. Так получилось. Когда лопнула нитка на моей последней фенечке, я собрала ее снова – решила сохранить на память.

Прошло много лет, я до сих пор люблю зеленый чай и Стругацких, и до сих пор не знаю, нужны ли для прогресса доброта и честность. Но что нужно мне для движения вперед, так это мои воспоминания. И чтобы мои фенечки лежали в коробке для реликвий. Мой сын похож на мужа, и я рада этому – любимое лицо повторилось в ребенке. Но иногда, обращаясь к нему – «Димка!» – я вспоминаю того, первого... Как я зову его – «Димка!!», а он идет ко мне с гитарой в руках, в рубашке, как у Джима Моррисона. А вокруг весна и, наверно, что-то еще, но я вижу только весну...

Николай Мельников

На воре шапка

Вспоминая характерные черты середины 90-х годов прошлого века, многие представляют царившее тогда довольно свободное отношение к чужой собственности, будь то обычная шапка или дамская сумочка или заграничное средство передвижения, являвшееся все же скорее роскошью, как, впрочем, и аналогичные изделия отечественного автопрома. Поскольку главным средством передвижения был общественный транспорт, то легко всплывут в памяти утренние и вечерние битвы за возможность просто ехать в автобусе или троллейбусе, часто стоя одной ногой на нижней ступеньке салона, а второй вообще нигде не стоя. Чтобы покинуть столь гостеприимный, судя по количеству народа, салон нужно было пройти сквозь отчаянно сопротивляющуюся массу еще не доехавших до своей остановки пассажиров, часто жертвуя пуговицами курток, пальто или шуб, реже карманами и рукавами, а также целостностью багажа. Кое-кто вспомнит и модные тогда шапки-формовки - обычные ушанки, но без откидывающихся ушей, кои представляли некую декорацию, муляж. Хороший мех, солидный вид и доступная цена делали их популярными среди добропорядочных граждан, а ограниченность моделей, размеров и расцветок - еще и среди непорядочных охотников за чужими вещами...

Людмила Ивановна, обычный бухгалтер одной из бюджетных организаций города, все же решила на свою достаточно скромную зарплату купить шапку в тон шубе. Полноценную ушанку из хорошего меха купить не решилась, а вот формовка ее вполне устроила по цене и качеству. Но часто бывает, человек, избавившись от одной головной боли, тут же взамен получает другую. Зимой голове будет комфортно, и внешность приобретет более привлекательный вид - шапка к шубе - это ни какой-нибудь берет. Но как уберечься от уличных воров, промышлявших шапками?

Дочь-студентка отметила удачный выбор предмета гардероба матерью и тут же вспомнила, что ее сокурсница лишилась шапки уже на следующий день по пути от института до общежития. Сердце счастливой обладательницы головного убора екнуло, к тому же в вечернем выпуске городских новостей вновь напомнили о необходимости быть бдительными. На работе коллеги достойно оценили обновку, но тут же вспомнили несколько случаев досрочного расставания хозяев со своими головными уборами, произошедших с их знакомыми и услышанные в выпусках новостей. Ничто так не меняет настроение женщины, как приятный комплимент и следующий за ним рассказ о суровой правде жизни.

К концу рабочего дня коллективный разум нашел достаточно надежный и довольно простой способ противодействия уличным похитителям шапок, заключавшийся в простом пришивании резинки к внутренней стороне головного убора на манер детских шапок. Резинка же становилась совсем невидимой окружающим из-за шарфика, воротника шубы, и достаточно пышных волос

Людмилы Ивановны. В тот же вечер конструкция шапки была дополнена элементом безопасности, насколько надежным, настолько и простым и незаметным.

На следующий день рассказы коллег о новых происшествиях уже не сильно волновали Людмилу Ивановну. Систему безопасности предстояло проверить по пути домой в боевых условиях плотно набитого усталыми пассажирами автобуса. Пару раз, правда, чьи-то руки тянулись в направлении хозяйки обновки, но эти руки сначала протягивали билеты для компостирования, а затем тянулись за уже погашенными билетами. Во время поездки в автобусе намеков на экспроприацию не произошло, а путь от остановки до дома составлял чуть более сотни метров.

Динамик прохрипел что-то отдаленно напоминающее название остановки Людмилы Ивановны. Автобус остановился, и людской поток вынес на свежий воздух всех стоявших около дверей пассажиров. Кто-то тут же рванул по направлению к стоящему впереди автобусу другого маршрута и стал втискиваться в открытые еще двери. Людмила Ивановна с облегчением вздохнула, все же по привычке проверив наличие нового головного убора. Ужас!.. Шапки не было. Женщина быстро огляделась вокруг и заметила шапку в проеме закрывающихся дверей впереди стоящего транспортного средства. Буквально через несколько мгновений женщина оказалась на расстоянии вытянутой руки до шапки в уже отходящем от остановки автобусе. А еще через мгновение шапка уже была на голове Людмилы Ивановны, а двери автобуса закрылись, и он уехал по своему маршруту.

Путь до своего подъезда взволнованная происшедшим женщина преодолела бегом, так же легкой трусой поднялась до дверей своей квартиры. В прихожей достаточно громко и долго возмущавшуюся женщину встречала дочь, взгляд которой выражал сначала легкое, а затем глубокое недоумение происходящим. Слегка отряхнув головной убор, Людмила Ивановна водрузила его на полку гардероба. Снимая шубу и продолжая описывать приключения последних минут своей дороги домой, мать встретила непонимание и неприятие сего вопиющего факта в виде сначала сдержанного, а после - неконтролируемого смеха дочери. А причина смеяться все же была: одна шапка лежала на полке, другая капюшоном висела на спине матери, удерживаемая пришитой накануне резинкой.

Увидев две шапки одновременно, Людмила Ивановна не на шутку задумалась. Как такое могло произойти? И где теперь искать ее невольную жертву? А как поступить с чужим головным убором? А что подумали люди, наблюдавшие эту картину?..

...А в вечернем выпуске городских новостей вновь сообщили, что кражи шапок не прекращаются и попросили граждан проявлять бдительность...

ПОЛИНА РЕБЕНИНА

Карим и Лейла

Вот уже год, как я работаю врачом на приеме беженцев. Прибывают они в Швецию из разных стран, во основном из тех, где неспокойно, где идет война – из Сирии, Ирака, Сомали, Эфиопии.

Я отдыхаю душой, встречая этих моих пациентов, я устала от холодных, высокомерных шведов. Скандинавы – люди необщительные, часто одинокие, и несчастливые. Я – человек другой культуры и мне общаться со шведами не столь интересно, кругозор у них узкий, дальше своего носа они, как правило, ничего не видят. Находятся полностью во власти общепринятых штампов, повторяют всегда то, что им внушают средства массовой информации, пережевывая подсовываемую им жвачку из лжи и предвзятых мнений. В проблемы, как правило, не углубляются, и лишних вопросов не задают, так жить легче.

Живут они, как роботы – много работают, после работы совершают обязательные променады – как минимум 5000 шагов и все поголовно придерживаются диет, рекомендуемых все теми же массмедиа. Живут в постоянных страхах, внушаемых средствами массовой информации, то все боялись иммунодефицита, потом птичьего и свиного гриппа, потом эболы, теперь боятся вируса зика, жирной еды, сахара и так нескончаемый ряд фобий. Семейные связи у шведов неглубокие и неустойчивые, о детях заботятся лишь до определенного возраста, а после гимназии с удовольствием выпихивают их в самостоятельную жизнь, дети же в свою очередь не озабочиваются проблемами стареющих родителей и без зазрения совести помещают их в дома престарелых. Одиночество здесь широко распространено и по числу жилья лишь с одним съемщиком занимает Швеция первое место в Европе.

Иное дело мои иностранцы – арабы, африканцы. Они все живут своим тесным семейным миром, ценят больше всего родственные отношения, а то, что преподносят им власти через средства массовой информации – это для них дело второстепенное. Семьи у них большие и сплоченные. Они все заботятся друг о друге – мужья о женах, родители о детях, дети о родителях, братья о сестрах.

Внешне они, как правило, выглядят не так эффектно, как натренированные, вышколенные шведы, у которых на уме только работа, диеты и тренировки, но зато кажутся они значительно более счастливыми и гармоничными. Шведы после работы и обязательных упражнений погружаются в свое привычное, часто ненавистное одиночество, а мои арабы или африканцы никогда не бывают одни, они любят друг друга, думают, заботятся друг о друге днем и ночью, и так всю жизнь.

Мои беженцы часто полноватые, неважно одетые, они практически никогда не приходят на прием по одному, они являются с супругами или с детьми. Они спокойны, улыбки и счастливы, несмотря на то, что забросила их жизнь на другой край света, в совершенно иной мир. Но они не унывают, они сильны своим единством, своими тесными семейными связями. А множество моих пациентов-шведов лечатся от депрессий, от отчаяния, но антидепрессивные лекарства лишь притупляют их душевное одиночество, но счастливее их не делают. Ведь счастье – это соучастие!

Сегодня у меня на приеме пара из Сирии – Карим, ему 78 лет, а Лейла – ей 67 лет. Оба тепло одеты (мерзнут сирийцы в Швеции), но он одет просто, по-мужски, она же кокетливо, женственно – серьги, бусы, блузка, вышитая стеклярусом. Хотя внешний вид ее слегка пугает, видишь, что правый глаза у нее провалился внутрь, и верхнее веко нависает над полупустой глазницей. Но она часто улыбается, а муж на нее смотрит со спокойной любовью. И к этому ее дефекту быстро привыкаешь.

Задаю с помощью переводчика вопросы о состоянии здоровья, о заболеваниях. Оба охотно сообщают, что совершенно здоровы, и никаких лекарств не принимают. Смотрю с удивлением на мою пациентку и спрашиваю ее уже более конкретно и настойчиво о проблемах со зрением.

– Да, конечно, проблемы со зрением есть, я ведь в день свадьбы потеряла мой правый глаз!

– Как? – изумляюсь я.

И тут последовал ее рассказ, дополняемый замечаниями ее мужа. Перескажу вкратце историю жизни, которую мне пришлось сегодня услышать.

«Лейла и Карим выросли в маленьком провинциальном сирийском городке. Полюбили друг друга, Карим посватался, и семья невесты дала свое согласие. Назначили день свадьбы. В этот знаменательный день стояла Лейла у окна, ждала приезда жениха. Мимо проходила молодая соседка, и то ли позавидовала она счастью Лейлы, то ли была тайно влюблена в ее будущего мужа, но, увидев невесту у окна, неожиданно размахнулась и со всей силы метнула в окно камень. Окно разбилось, и острый осколок стекла отлетел и угодил прямо в глаз невесты. Лейла закричала, на крик сбежались родные, выглядела она ужасно с торчащим осколком и кровавым месивом вместо правого глаза. Приехал Карим и отвез Лейлу к врачу, но, к сожалению, спасти глаз не удалось.

Многие тогда уговаривали Карима отказаться от Лейлы: «Зачем тебе такая жена, изуродованная, полуслепая, посмотри, сколько здоровых и красивых девушек вокруг». Но Карим не стал эти советы слушать, ведь он любил свою Лейлу. «Разве может человек жить без чувств, ведь это же самое главное?!» – отвечал он своим советчикам и повторяет мне то же самое сейчас. «Разве можно жить без любви?!»

Он надеялся, что можно будет вживить любимой девушке новый глаз, и даже нашел в Сирии замечательного специалиста, который мог делать эти удивительные операции. К сожалению, перед приездом Лейлы прошла одна из таких операций неудачно и главному хирургу запретили продолжать эти работы. Не удалось трансплантировать любимой девушке новый глаз, но по совету врачей сделали ей другую сложную операцию – разделили проводящие пути, связывающие оба глаза, чтобы не пострадало зрение на здоровом глазу. А на место вытекшего поставили стеклянный глаз. И через два месяца все-таки сыграли они свадьбу.

А потом жили Карим и Лейла вместе долго и счастливо, как в сказке. Родилось у них 9 детей, 5 мальчиков и 4 девочки. Лейла хозяйничала дома и детей растила, а Карим работал, вначале слесарем, а потом почтальоном, содержал семью. Дети у них все выросли добрые и трудолюбивые. Они очень любили свою маму и жалели ее. А та ведьма, которая глаз Лейле повредила, вынуждена была переехать в другой город. Через 10 лет она все-таки вернулась обратно, и опять стала жить неподалеку от Лейлы и Карима. Их дети очень на эту ведьму сердились и даже строили планы, как ей отомстить. Но Лейла и Карим их успокоили и отговорили, они не хотели никому мстить. Убедили детей, что надо уметь прощать, ведь они сами эту женщину уже давно простили. Они были очень счастливы, Лейла и Карим, и все пережитое их сплотило еще сильнее.

Но вот последние четыре года неспокойно в их родной Сирии, идет война. Нелегко их семье, ведь они – христиане. Двое детей вынуждены были эмигрировать, уехали в далекую Швецию. Решили поехать вслед за своими детьми и Карим с Лейлой. Дорога

была очень трудной, сначала до Турции добирались, а потом на небольшом суденышке по бурному морю плыли в Грецию. Это было самое страшное – казалось, что судно вот-вот перевернется, и они все утонут. Но Бог помог и через 15 дней пути встретились они, наконец-то, со своими детьми. Сын, увидев своих родителей, был так несказанно рад, что встал перед Лейлой на колени и стал целовать ей ноги: «Я так счастлив, мама, что мы опять вместе!»

Смотрела я на эту счастливую женщину, на эту счастливую

пару и было так светло на душе и радостно за них. Любовь делает чудеса! Какие прекрасные люди!!!

– Разрешите мне я о вас написать? – попросила их я. – Не беспокойтесь, я изменю ваши имена, изменю название страны, чтобы никто не смог понять, что это рассказ именно о вас.

– Не надо ничего менять! – ответила мне Лейла, – Оставьте все, как есть! Нам нечего скрывать, мы гордимся друг другом, гордимся нашей семьей и прожитой жизнью!

Олег Фатхутдинов

ОНА

Она тихо сидела у окна и задумчиво смотрела во двор, где кружась в медленном и грустном танце, падал первый пушистый снег. В её больших, красивых глазах, казалось, можно было прочитать всё. Всё то, чем, а вернее – кем Она дышала последние два года и то, что сейчас ей этого кислорода так не хватает, и Она медленно угасает, бессмысленно глядя на то, как лавки, карусели и веранды посыпает этот нелепый и не нужный ей снег.

А ведь ещё неделю назад она так ждала зимы! Хотелось поскорее встать на лыжи и пройтись до того места, где Она впервые увидела Его. Тогда Она даже не обратила на него внимания. Или нет? Всё же обратила! Симпатичный высокий мужчина с волевым лицом. Ну и что? Мало ли тут бегает лыжников с похожими лицами? «Да он даже всё своё внимание километrovому спуску, с которого не раз Она так лихо съезжала, получая свою порцию адреналина. Но не на этот раз. Потом Она благодарил Бога, что так и не поменяла на лыжах старые крепления, начавшие подводить её ещё в прошлую зиму. На этот раз всё могло бы закончиться переломом ноги, когда, доехав до середины спуска, её левая нога вдруг не ощутила под собой лыжу. Кувыркаясь, втыкаясь оставшейся лыжей в снег и чувствуя нестерпимую боль в ноге, Она докатилась до подножья спуска и осталась лежать неподвижно, крепче сжимая зубы, чтобы не закричать от нестерпимой боли.

– Вы как? В порядке? – услышала Она над собой мужской голос.

– Помогите мне встать, – простонала Она.

– Осторожно! Может, у вас перелом... – мужчина, спешно отцепив искуроченную лыжу, аккуратно и нежно подхватил её на руки, как пушинку, приподнял и прижал к себе. Их глаза встретились. – Не больно? – улыбнулся Он ей. Но Она уже тонула в глубине его голубых глаз и только повела своей очаровательной белокурой головкой из стороны в сторону.

В эту ночь после горячего чаю и рюмки-другой коньяка они

очутились в одной постели. Она была порядочной девушкой, но ей казалось, что Она знает Его уже давно, и если бы он ушёл, Она ни за что бы себе этого не простила.

Теперь Она сидела у окна и думала: «Уж лучше бы он ушёл тогда, в день их знакомства». Он стал красиво ухаживать, дарить дорогие подарки, а Париж, куда Он возил её этим летом, Она не забудет ни когда в жизни.

Слёзы, вызванные нахлынувшими воспоминаниями, душили и не давали сглотнуть подкативший было к горлу ком. «Почему я? Ведь я отдавала Ему всю себя без остатка. Чего Ему было мало? Любви? Ласки? Я каждую ночь шептала ему, что люблю его. А Он мне клялся, что я для него единственная.

Три дня назад, войдя в прихожую, не раздеваясь, Он, вздохнув, виновато посмотрел на неё пустым и холодным взглядом, и в его глазах Она уже не увидела того, что давало ей такой вдохновенный заряд. Заряд на жизнь, заряд на любовь.

– Ты заболел? – осторожно спросила Она его, – Всё в порядке?

В его глазах предательски блеснула слеза. Он покачал головой:

– Прости меня и не спрашивай ни о чём.

– Мы расстанемся? – уже с болью в сердце и дрожью в голосе спросила Она.

– Прости... – ещё раз произнёс он виновато, и дверь, скрипнув, закрылась за ним.

Она выглянула в окно. У подъезда стояла женщина. Он вышел, торопливо взял женщину под руку и предложил ей сесть в свою машину.

Глупая, рассеянная улыбка застыла на её лице. Глядя в след, уносившей её счастье машине, Она уже переставала мыслить. В её мозг впился только один вопрос: «Почему?» Вот уже третий день Она сидела у окна, закутавшись в старую мамину шаль, и смотрела в окно. А снег, медленно кружась, засыпал её душу и такое короткое счастье.

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

• в нашем офисе: **Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary**

• в магазине «DINO»: **I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary**

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

ТАТЬЯНА ТУРЯНСКАЯ

Сына назвала Ванюшей...

Во время Великой Отечественной войны многие заводы были эвакуированы в тыл. Ряд предприятий обосновался в Омске. На территории Сибирской сельскохозяйственной академии находился оборонный завод под трёхзначным номером, прибывший из Ленинграда. Что там выпускалось – это уже не важно, но что там работало много подростков, не достигших призывного возраста – это факт.

Омичка Нина в 16 лет пошла туда добровольно. Давали рабочую карточку. Приходила после смены поздно, уставшая, так как работала не считаясь со временем: шла война, скидок на возраст не было.

Встретила там Нина Ивана – скромного, трудолюбивого паренька, своего ровесника. Возникла сильная обоюдная любовь. Повстречались немного, а там... была прорвана Ленинградская блокада, и завод с ленинградцами уезжал обратно.

Нина и Ванюша решили ехать вместе, но её мама, Федосья Авдеевна, не пустила девочку в неведомые разрушенные войной

края. В день отъезда отец со старшим братом связали Нину ремнями, чтобы не сбежала.

Долго ждал у вагона Ваня свою возлюбленную – не дождался, уехал с горькой обидой, решив, что та не захотела связать с ним свою судьбу.

Потом подружки писали Нине, что даже когда Ваня женился, у него над кроватью висел Нинин портрет, увеличенный с маленькой фотографии.

Нина больше никогда никого не любила, замуж так и не вышла. Прожила всю жизнь с мамой, похоронила её, но не смогла ей простить. Да и сама Федосья Авдеевна, видимо, поняла свою ошибку, да было поздно.

Когда Нине было уже за 30 лет, решила она родить ребёнка. Детей она любила, особенно племянниц.

Родила мальчика, назвала Ванюшей в честь своей горькой безвозвратной любви...

Люсю я знала с детства...

Маленькой она была настолько привязана к своей матери, что ни на одну минуту не могла остаться без неё. Если вдруг мать куда-то выходила, то Люся с рёвом бежала за ней следом. А мать её – может быть, из-за этого – никогда и нигде не работала.

И впоследствии Люся в виду своей сильной привязанности к матери никуда не ходила. Она не посещала ни театры, ни концерты; кино вообще не любила. Шить и вышивать Люся не умела. Варить и стирать не хотела. Не утруждала себя ни стиркой, ни уборкой. Я никогда не видела её с тряпкой. Ей были неведомы топка печи и ношение вёдер с водой. Не прельщали Люсю даже школьные вечера. Как она ещё храм знаний-то посещала? Правда, школа была рядом, но всё же...

Просиживала целыми днями дома с единственным занятием – зубрёжкой уроков.

Дабы как-то оторвать дочурку от этой тяготы, купили ей коньки, благо каток был в шаговой доступности от дома. Однако на каток Люся так ни разу и не вышла, а коньки мамаша ейная куда-то захватила, чтоб ненароком никто другой не воспользовался эти благом цивилизации.

Поняв, что второй Инги Артамоновой из Люси не получится, купили сердешной велосипед. Но и этот двухколёсный конь вскоре исчез за ненадобностью. Не сказала в Люсе извечная подростковая тяга к техническим придамбасам.

Последним презентом для Люси за время её учёбы стало пианино. Добросовестно сходяв пару раз к преподавателю музыки, Люся поняла, что и лавры Вана Клайберна ей не светят. С того момента фоно, извините за каламбур, стояло фоном в Люсиной комнате.

Однажды Люсю пригласила на вечеринку соседская девочка. Собирались они с матерью весь день: как-никак первый выход в свет великовозрастной мамзели!

На вечеринку каким-то образом приколосились ребята из войскового училища, среди которых оказался паренёк по имени Гена, красивый, умный и до неприличия... порядочный.

Надо сказать, что Люся во всём походила на свою обожаемую мать, даже внешне. А та "красотка" имела водянистые бесцветные глаза, огромную бородавку на щеке и главное ... носяра... Такой носяра, что голову от ветра разворачивало!

Маманя Люсиная не имела понятия, что такое стирка, уборка, ремонт и прочая домашняя маета. За неё всю работу по дому делали муж да падчерица. Люся, разумеется, также не пачкала своих белых ручек. В то время она продолжала зубрить. На сей раз конспекты по атероматозному изменению коронарных сосудов и висцеральной их форме, так как поступила в медицинский институт.

Что вышеупомянутый Гена нашёл в вышеупомянутой Люсе – про то мне не ведомо. Воистину: не родись красивой, а родись счастливой! Знаю только, что по окончании учёбы молодожёны вместе с только что народившейся дочкой да тещенькой (куда же без неё!) уехали в Новосибирск, вследствие Гениного распределения по службе. А ещё через пару лет осели в Чите, ибо Гена получил назначение в Забайкальский военный округ.

Ежегодно Гена и Люся ездили отдыхать. Ну, Гена понятно, от службы ратной, а вот Люся-то от чего позволяла себе такую благодать? Ну да ладно. Тещенька, тем временем, сидела с внучками (у них в Чите ещё одно дитё родилось). А когда подошёл срок, и Гена сам вышел в отставку (войки, как известно, выходят на

пенсию в 45 лет), то теперь уже он сидел с увядшей к тому времени и периодически впадающей в маразм тещенькой. Люся же работала, ибо ей пенсия ещё не брезжила на горизонте.

Благодаря Гениным заботам, тещенька его прожила 95 лет. Правда она последние лет 20 никого не узнавала и ничего не помнила, писалась и какалась беспричинно, но зато никогда ничем не болела. Она понятия не имела, что такое геморрой, рахит, эпилепсия и рак предстательной железы. Она даже не чихнула ни разу за свою почти вековую жизнь. Но, как говорится, и на старуху бывает порнуха – прижмурилась старушонка в конце-концов. Схоронили преставившуюся в Краснодаре, где к тому времени обосновалась семья, ибо по выходе в отставку именно этот город из предложенных Гена выбрал для проживания.

Люся и сейчас там живёт на улице Тюляева. Она по-прежнему ничем не болеет, правда, сильно располнела от вкусной и здоровой пищи и малоподвижного образа жизни. А вот Гена... Гена умер в 2011 году.

Но, Люся, наверное, всё же счастливый человек. Ну, посудите сами. Как-то она захотела сделать приятное родителям мужа и отправила Гену на его родину, в Бийск. Он за сутки слетал из Краснодара туда и обратно. Люся спрашивает: "Ты что не улетел?" А Гена ответил: "Я прилетел, посмотрел на них, а они на меня, всё хорошо... И я обратно к тебе". Или вот: на день рождения Люси Гена всегда дарил розы по числу исполнившихся лет... Дочери у них выросли здоровые да ядрёные: кровь с молоком. Тоже очень счастливы в браке. У Люси трое внуков. В их жизни также всё складывается очень удачно: постоянная, высокооплачиваемая работа, просторное жильё, машина, дача. "Что ещё нужно для того, чтобы достойно встретить старость?", – как говаривал один известный киношный персонаж.

О старости Люся не больно-то печалиться. Живут подобные индивидуумы более ста лет. Нет, что ни говорите, а есть на свете люди, которым свезло!

ВАДИМ ЗАЙЦЕВ

Работа

...Перед дверью толпятся студенты,
Смех и шутки, порой «вспомнят мать»...
Ох, достали их эти доценты,
Но без них – инженером не стать!

Начинаю «лекторий» я сухо,
От волнения канву – подзабыл...
Над студентами властвует скука,
Кто-то волком, похоже, завыл.

Наконец сходит с уст моих шутка,
Оживился «учебный народ».
И доцент – не на лекции будто,
Дальше арию будто поет!

Заревые, счастливые взгляды
Провожают его до дверей...
На работу идти ему – в радость,
Там ведь столько счастливых людей!..

А на практике – будут вопросы,
Там доценту нельзя сплеховать:
Все сомненья, что жгут «студиоза»,
Должен мастерски он разрешать.

На экзамене он «малость в гневе»,
А верней – малость он напряжен,
Ведь, коль надо, поставит и «неуд»,
А порой скажет: выйдите вон!..

Заревого, счастливого взгляда
Не увидит тогда наш доцент...
Консультации, нервы...
и – радость,
Когда знанье покажет студент!..

На работе всегда – не без «перца»!..
И, конечно, в ней сладость есть:
Коль работа по нраву и сердцу,
Коль в работе, конечно, ты – весь!

Одиноким, замученным бесконечными скитаниями по непроходимой чащобе, крик разразился громом по округе и мгновенно растворился, не оставив после себя и следа.

В сумрачном лесу вновь воцарилась мертвая тишина, каждый раз беспощадно нападающая на неосторожного путника, заблудшего в ночи. Вязкая, больная земля испещрённая шрамами, собранными за многие века, всё ещё носила в себе толстые корни ядовитых кустарников и давным-давно сгнивших изнутри кривых деревьев. Темнота, хранительница гиблого места, то и дело вздымалась, потеряв какой-либо смысл существования, а бесчувственные придворные: многочисленные тени от острых, колючих, как шпаги, ветвей и грязных, сгнивших листьев – бесшумно водили

хороводы вокруг неё, гоня ленивый смог да смрад от протлевшего, нечистого болота, по кругу. Небеса, которые существовали в мире страхов лишь в виде черных дыр, были темны и хмуры.

Сквозь постоянный барьер смерти в логово Темноты просочился заблудший луч света. Сделав пару звонких шагов, предвещающих начало нового дня, он оступился, зацепившись тоненькой ножкой за необъятный корень дерева, и повалился на бесплодную землю, которая стала неторопливо душить дитя Света, наслаждаясь каждым мгновением.

По криволестью пронёсся ещё один душераздирающий вопль, и снова наступила неизменная тишина, у которой никогда не было души.

Юрий Нурмамедов

НАЦИСТСКИЙ СЫР

Небольшой лагерь для военнопленных. Литва. Госпиталь, какие-то ремонтные мастерские, железнодорожная станция... в каждом районе оккупационной зоны есть дела по хозяйству, где нужно иметь рабочий скот для работ по принуждению.

Для того и стоял этот лагерь D с десятком своих охранников, начальником-пенсионером, тоже из Германии, и сотня-две заключённых «нацменов», кроме русских и украинцев.

Как будет понятно из финала истории, во главе этого лагеря был интеллигентный немецкий не-войка образца 1943-1944 года, вынужденный отправиться на войну, но задействовавший все связи, и потому попавший не на фронт, а в тыловое хозяйство. И за месяцы военной жизни – полукрестьянской, полувоенной – подчинённый выполнению приказов по обслуживанию госпиталей, тыловых железнодорожных станций, создавался определённый специфический микроклимат человеческих отношений, не описанных ни в одном произведении.

Может быть, весь этот рассказ в прокуренной Краснодарской пивной – эпатаж, не знаю. Слышал сам. И иногда рассказывал, как пример «табуированной тематики». Чёрт его знает? А почему бы и нет?

Вечером пришёл приказ разгрузить два вагона с голландским сыром, оставленных на запасных путях. По тем временам этот деликатес уже шёл только в госпитали. Задача дошла и до Ашота. Он просит аудиенции у начальника, просит послать его на выполнение столь сложной операции, одновременно добавляя, что пойдёт только с проверенными (своими) людьми. Таких же – со стороны босса – конечно, просит и в охрану.

Загружая подводы, всё, что смогли, бросили под вагоны. По возвращении в лагерь, сославшись на потерянный рожок автомата и необходимость найти его, в темноту уходят самые проверенные с обеих сторон. Ночью возвращаются с двумя мешками сыра. Оба кладут на пол в кабинете начальника. Когда он тянется за большим, Ашот останавливает его и берет его с собой в бараки со словами: «Мне больше людей кормить».

С годами мне начало казаться, что именно эта фраза вызывала периодически раздражение у его собутыльника.

– ...не порть парня кавказскими рассказами.

Смесь правды и эпатажа. С мешками приврал точно. Что дали, то и забрал в барак. Хорошо, что не пристрелили как собаку.

Ну и эпилог доморощенного сказателя.

– Ничто, никакие концлагеря не меняют сущности человека. Сука останется сукой. Человек – человеком.

Это во время отсидки ещё семи лет в сталинских исправительных лагерях было его девизом.

История услышана в Краснодаре, конец 1980-х.

Судьба без правил

1991 год. Первые месяцы в Израиле. Учим язык. В нашей группе очень пожилая пара из Ленинграда. За семьдесят. Спокойные, интеллигентные, тихие... уважаемые. Он старше, медлительный.

Большая перемена. Курящие в коридоре. Разговор. Не помню в ответ на что я рассказал историю о концлагере, про нацистский сыр... Покачали головами, тут же и забыли. Вдали показалась училка – заходим в аудиторию.

Старик отзывает меня в сторону и просит пройти в пустой класс. Непонятно зачем, но иду. Садимся друг напротив друга. Спокойно. Тишина. Спокойно смотрит на меня.

– Этот рассказ Ваш... Концлагерь. То время, сыр... Вот, послушай ещё.

Без эмоций, без оценок. Репортаж. Как будто газета "Правда" от 1945 года. Только тема...

– Несколько недель до Берлина. Я молодой лейтенант. Рота, от которой осталось с десяток человек. Страшный бой, мертвецкая усталость. В овраге костерок, наверху часовые, которые уснут. Мы с замом ещё не свалились, пытаемся о чём-то говорить. Окрик, сверху шум. Подошла группа фашистов – сдаваться. Больше сотни. Как положено, сбрасывают оружие, отходят в сторону. Поднятые руки. Раз в десять больше нас. По правилам нужен конвой – и в спецчасть. По правилам все мы вдесятером и должны конвоировать. Но. В ночь никто не пойдёт. Шестеро спят мертвецким сном. Охранять до утра невозможно. Мы тоже свалимся. Очень реально, что после трёх ночи всё поменяется прямо наоборот. Моё решение. Молчу. Не знаю. Зам всё понимает. Прерывает паузу: «Дай мне часовых. Останься за них немного. Я всё сделаю как надо. Жди». Трое взяли ещё по одному автомату, запасные рожки, построили их в колонну и ушли в ночь. Через час все вернулись. «Попытка к бегству», – бросил зам и свалился мертвецким сном.

Зачем старик мне это рассказал? ...впервые в жизни, или нет? Не знаю. Знаю, что я так же продолжал с ним общаться, как будто не было разговора. Не было новых чувств. Ничего не изменилось во мне после услышанного. Не мой это разговор.

Почему он рассказал мне про пленных?

Почему в Краснодаре рассказали про сыр?

Однажды осенью пошли Маша и Моля в лес. Маша взяла корзинку собирать ягоды, а Моля ничего не взяла, потому что лапы у нее заняты беганием по дорожкам. Вот идут они, идут, а кругом красиво: на деревьях листья желтые, под ногами травка да камушки, ягоды рябины птицы набросали. Маша наклоняется, яголки в ведерко собирает, о камушки спотыкается. А Моля бежит, камушки перескакивает, хвост вверх задрала и каждый куст обнюхивает.

– Зачем ты собираешь рябину? – спрашивает Моля Машу.

– Белкам снесу.

– А вдруг мы белок не увидим, куда яголки денешь, ведь рябина горькая – сама есть не будешь, – пристает Моля.

– А тогда, – говорит Маша, – я ежика найду. Он засушит ягоды в норке, а зимой есть будет. Ты лучше будь внимательна: не пропусти белок.

– Ну, этих белок-вертихвосток я издали чую, – похвасталась Моля, – уж от меня они не скроются. А ты сразу ко мне подбегай, как только я начну скакать на дерево и громко лаять. Это значит, что на суку сидит белка и шишками кидается.

– Хорошо, – сказала Маша.

Идут они дальше. Полная корзинка набралась ягод у Маши, а белок все нет. Моля уж и туда сбегала, и сюда: пропали белки, ни одной не видно. Что делать?

Вдруг навстречу бежит Лиса.

– Лиса- лиса, – спрашивает Маша, – ты все про всех знаешь. Скажи, пожалуйста, куда подевались белки в этом лесу?

– Все белки ушли на Большую поляну. Там построены качели и они теперь целыми днями качаются, а ягоды и грибы на зиму не заготавливают – некогда им!

– Как же так? – воскликнула Маша, – они что, не понимают, что скоро придет зима, выпадет снег, ударит мороз, ягоды все замерзнут и грибов не будет. Как же эти белки жить будут без еды? В город к людям побегут?

– Скорее бежим на Большую поляну, – сказала Моля, – надо спасти белок.

Бросились они бежать: впереди бежит Лиса – дорогу показывает, за ней Моля, за Молей – Маша с корзинкой ягод. Долго бежали, устали, запыхались. Прибежали на Большую поляну, а там веселье идет. Белки на качелях качаются, визжат, кувыркаются – совсем про дело забыли.

– Белки-белки! – громко позвала Маша, – хватит вам веселиться, пора за дело приниматься! Зима на носу.

– Ой-ой-ой! Зима-зима скоро! Пора-пора за работу! – загалдели белки. Запрыгали по веткам, домой в свои дупла побежали за работу приниматься. Только одна белочка осталась на поляне. Маша подошла к ней и спросила:

– А ты что же не бежишь?

– У меня лапка болит, я не могу прыгать по веткам и ягоды собирать. Что же мне делать, ведь скоро придет зима?

– Бедная ты, бедная, – сказала Маша, – давай я завяжу твою лапку. И возьми мою корзинку с ягодами, будет тебе запас на зиму.

– Спасибо. А как мне донести ягоды до моего домика?

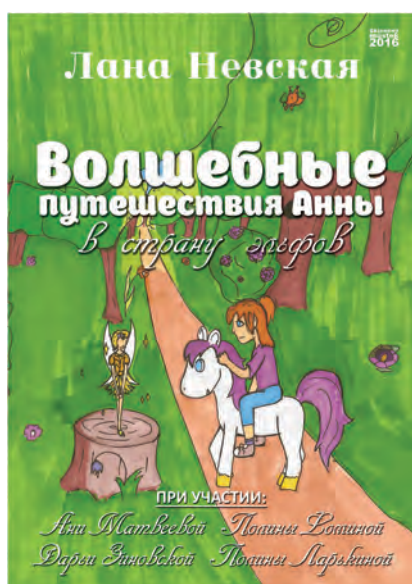
– А мы с Молей тебе поможем.

Взяли Маша с Молей белочку на руки и принесли ее в домик – дупло на высоком дереве. Туда же высыпали ей ягоды.

– Приходите ко мне весной! – крикнула белочка.

– Придем! – сказали Моля и Маша и отправились домой к маме.

СКОРО В ПРОДАЖЕ!

Лана Невская

«Волшебные путешествия Анны в страну эльфов»

По словам автора: «Эта повесть-сказка, сюжет которой родился совершенно случайно, из обычного, ничем не выдающегося события – покупки симпатичной мягкой игрушки – лошадки Гермиды, и должен был стать основой небольшого рассказа. Но неожиданно рассказ получил продолжение, Его герои зажили своей, самостоятельной жизнью, с ними стали происходить различные приключения, и все это было совершенно независимо от меня».

А еще книга необычна тем, что над иллюстрациями к ней работали сразу пять художников, четыре из которых – как раз те, для кого и создавалась эта повесть-сказка: благодарные юные читатели, художественные дарования которых вы сможете оценить.

ISBN 978-80-7534-101-3.

В жизни мы встречаем много людей: некоторые пронесятся мимо нас и мы их быстро забываем, некоторые для нас просто попутчики, что бегут рядом некоторое время, некоторые идут с нами по жизни, а некоторые, то появляются на горизонте, то исчезают. К последним можно причислить друзей детства, одноклассников. Сначала вместе, потом каждый своей дорогой идет, потом мы случайно встречаемся и снова теряемся.

Так случайно встретились три одноклассника через одиннадцать лет после окончания школы.

Лена Одинцова – отличница, была самая умная девочка в классе. Многие учителя выделяли ее среди остальных учеников, ставили всем в пример. Лена не могла позволить себе не то, что быть в чем-то хуже других, а даже быть наравне с другими. Ей всегда хотелось быть только на голову выше, чем сверстники, за что половина класса ее недолюбливала, а вторая половина в рот заглядывала. Была всегда лидером и успешной во всем.

Игорь Миронов – троечник, спортсмен, уверенный в себе парень, любил о себе что-нибудь приврать. Выделялся только своими физическими данными: во всех спортивных соревнованиях занимал только первые места, за что ему учителя делали поправки.

Ира Антоновская – среднестатистическая хорошистка. На первый взгляд ничем особенным не выделялась, но когда ее не было в школе неделю или две, то в классе ухудшался микроклимат – одни ссорились, другие спорили. Она умела со всеми поддерживать хорошие отношения, умела предотвратить конфликты между ребятами.

Ира сидела в кафе и допивала свое какао. Из окна смотрела на оживленную улицу, вспоминая сколько раз в детстве она заходила с одноклассниками в это кафе и сколько раз видела один и тот же вид из одного и того же окна. Вид остался тот же, а люди стали немного другие: ходят быстрее, меньше обращают внимание на прохожих. Допив какао, она вышла на улицу, где навстречу друг другу, но не замечая этого, неслись двое ее одноклассников. Если бы Ира их не окликнула, то они так и пронеслись бы стремглав мимо.

Случайная встреча была очень теплой, но короткой. После обмена приветствиями и пережитого восторга от случайной встречи всем не терпелось узнать о жизни друг друга.

Первой начала Лена:

– Я на работе живу. Держу гостиницу. Сейчас большой поток клиентов, много иностранцев приезжает. А они мою гостиницу любят – только у меня работники иностранными языками владеют. Еще за порядком и порядочностью персонала нужно следить практически круглосуточно. Европейцы привыкли к комфорту в своих странах, вот и приходится соответствовать. Я знаю пять языков, поэтому мне больше всех приходится общаться. Вот от забот и голова кругом – лечу сломя голову, так и не заметила бы вас.

– Вот это да! В принципе, еще в школе было понятно, что из тебя выйдет толк, но чтобы такой... – восхищалась Ира.

Лена с наслаждением и с видом победителя смотрела на изумление своих одноклассников.

– Ну, а ты, Ируся, чем занимаешься? – спросила Лена с апломбом в голосе.

– Я медсестрой работаю. Ничего такого выдающегося. Сын у меня растет. Для нас с мужем он большая гордость.

Для Лены такая жизнь была слишком скучной, поэтому смотрела он на свою одноклассницу сверху вниз.

– А ты, Игорек, женился? Где работаешь? – спросила Ира.

– Нет, еще не женился. Пока работаю на «дядю»: делаю ремонты, стиральные машины устанавливаю, кондиционеры. Большую часть заработанных денег отдаю начальнику, но в скором будущем собираюсь сам на себя работать.

– Вот это правильно! Нечего для других деньги зарабатывать, – поддержала Лена. Но такой способ заработка не создавал ей конкуренции, и она чувствовала себя непревзойденной.

– А давайте встретимся, например, завтра в этом кафе. Сейчас каждый по своим делам спешит, а завтра спокойно поболтаем, – предложила Ира.

Лена и Игорь с радостью согласились, друзья обменялись телефонами, условились о времени и каждый побежал по своим делам.

Ира шла на дежурство и уже жалела о своем предложении. «И о чем я буду с ними разговаривать, – думала она, – они о делах, заработках. А я? Они чего-то добились. А что мне им рассказывать?» Она чувствовала себя мелкой сошкой, меленькой песчинкой по сравнению со своими друзьями детства.

Игорь, направляясь к своему клиенту, который потребовал перекрасить потолки, думал: «Как хорошо я себя преподнес! Не хуже Одинцовой. Нужно скорее начинать на себя работать, а то мой большой начальник пообещает клиенту одно, а я, ничего об этом не зная, делаю, как считаю нужным. Теперь, вот, иди потолки перекрашивай недовольному барину».

А Лена Одинцова от удовольствия чуть ли не вприпрыжку бежала с работы. «Никто и никогда лучше меня не станет. Нужно возобновить занятия по французскому и немецкому языкам, а то словарный запас у меня маловат. Хорошо хоть с английским все в порядке и, естественно, с русским и украинским».

На следующее утро, в семь часов каждый из одноклассников начинал очередной будний день по-своему. Для Лены это еще было время сна. В такую рань она видела десятый сон. Игорь собирался на работу, а Ире еще оставалось несколько часов до конца дежурства.

У окна возле приемного кабинета Ира случайно услышала разговор двух пациентов.

– У нас один «мастер» ремонт вчера делать закончил. Он такое творил, – говорил мужчина, хватаясь за голову. – Нужно было возле него стоять, чтобы он с трубами и шлангами аккуратно обращался. Как оставишь его одного, так и стучит по батареям, как по музыкальному инструменту. А в стенах прямо ямы оставляет. Вчера пожаловался, что потолки плохо покрасил, пришлось ему возвращаться вечером и перекрашивать. Короче говоря, вчерашний день был убит. Так что в больницу только сегодня дошел.

– Что же вы не отказались от такого «мастера»?

– Договор заключил. Просил поменять работника, так у них свободных мастеров нет – все при деле.

– Я тоже с этой фирмой договор заключал, но мастер мне хороший попался, – сказал второй мужчина. – А как вашего зовут, чтобы знать на будущее?

– Игорь Миронов.

Удивлению Иры не было предела: «он так себя нахваливал, а люди вон как о нем отзываются. То ли он не понимает, какой он есть на самом деле, то ли хотел в глазах одноклассников казаться больше, чем на самом деле?»

Через пару часов дежурство закончилось. Вышла Ира из больницы, села на трамвайчик и поехала домой.

Дома уже никого не было: муж на работе, ребенок в детском саду. Ира позавтракала и села за компьютер. Утренний ритуал – «посидеть» в интернете. Из любопытства нашла сайт гостиницы своей одноклассницы. Все так красиво расписано, номера такие шикарные. Потом нашла отзывы о гостиницах города. Заведение Лены в рейтинге была почти на самом последнем месте. Отзыв одного из посетителей был следующим: «хозяйка гостиницы о себе и своем заведении слишком высокого мнения. Кормят там чем попало. Говорят, что все продукты только самого высокого качества, а когда попробуешь их стряпню, так отдает дешевыми, напичканными химией ингредиентами. Работники персонала бегают туда-сюда, как сумасшедшие. Что-то попросишь, в ответ «да-да, сейчас», и этого «сейчас» ждать приходится около часа. Говорят, что подолгу там никто не работает – не выдерживают люди физически и морально. Хозяйка держит всех в ежовых рукавицах, штрафует за каждую ерунду и чуть ли не сутками заставляет работать. А самое смешное то, что гостиница, как главный козырь, выставляет владение иностранными языками всеми работниками персонала, чтобы завлечь иностранцев. На самом деле, кроме набора: «здравствуйте», «как добрались», «до свидания» и «чего вы желаете?» по-английски больше никто ничего не знает. А сама хозяйка знает столько же фраз на трех иностранных языках, но только на английском немного больше. Она раз

в неделю приглашает переводчика для того, чтобы постояльцам из заграницы чуть-чуть глаза замылить. Единственное, что там хорошо делают, так это убирают в номерах».

У Иры отвисла челюсть. Она не знала, что думать: то ли почувствовать своей однокласснице, то ли с насмешкой ухмыльнуться. Прочитала Ира еще несколько отзывов, и они были примерно того же содержания.

«Кому на этом свете живется легче? – думала Ира. – Тем, кто обожает себя, не обращает внимания ни на какую критику и считает себя самым лучшим? Или тем, кто прислушивается к замечаниям, и не хвастается перед всеми? Наверно, первым. Как же сильно такие люди любят себя. Как же стараются преподнести себя с самой лучшей стороны. Как же стараются следовать принципу «мы представляем собой то, что сами о себе думаем». Таких людей не волнует чужое мнение, а вот вторые это болезненно воспринимают. С другой стороны, какие люди принесут больше пользы? Явно вторые».

Ира позвонила своим одноклассникам и извинилась, что прийти не сможет по семейным обстоятельствам. Зачем идти и слушать неблагодарности? Пусть они вдвоем друг другу лапшу на уши вешают. Если бы кто-то пришел из тех одноклассников, кто относится ко второй категории людей, тогда можно было бы с радостью идти. А так там нечего делать.

Всё всегда одно и то же. Это некий безусловный, божественный закон, непоколебимое правило вселенной: к нам по морю приплывают льдины. Бесформенные, сверкающие полупрозрачной, немного мутноватой белизной глыбы льда, отличающиеся друг от друга разве что очертаниями и размерами, прибывают к берегам нашего острова. Если посмотреть на наш остров сверху, то окажется, что он окружен льдинами и их осколками, как горной грядой – высокой и непроходимой, с множеством острых вершин.

Лед – повсюду, он определяющий фактор, при совершении дел мы всегда должны принимать в расчет, толст он или тонок. Казалось бы, суровые условия мест, которые дают нам жизнь и закаляют характер, должны спланивать нас, объединять и приводить к общему знаменателю, однако – нет, ничего подобного! Холод мира: воздуха, который заполняет наши легкие; твердой мерзлой земли, по которой ступают наши ноги; погоды и мировоззрения – превращает каждого из нас в одиночку – закрытое, постоянно погруженное в себя существо. Мы ищем тепло, свет и радость в себе.

Мы словно льдины, немые, холодные и отстраненные – собираемся в кучу в одном каком-то месте или вокруг какой-нибудь идеи и потом вынуждены сосуществовать. Впрочем, в отличие от тех же самых кусков льда мы еще как-то можем ужиться и примириться друг с другом.

Однажды я в компании еще десяти человек плавал на ледоколе. Наш корабль – сила, противостоящая смертоносной целостности ледяного щита. Корабль двигался вперед и только вперед, сокрушая ледяной панцирь, под которым билась стихия моря. Мы несли свободу морским водам, и волны пенились и бурлили – будто радуясь обретенной свободе.

Присмотрись, здесь ничего кроме льдов. Мы сами, конечно же, – что-то. Но в округе пустынно – и эта пустота была до нас и будет после. Обычный лед несет смерть физической оболочке – телу, лед веры или надежды несет погибель душе. Иногда на приплывавших к нам льдинах попадались животные: детеныши тюленей, медвежата, даже птенцы пингвинов – я не знаю, как они туда попадали, для меня это было странной, непонятной тайной, увитой гирляндами из десятков других не менее невероятных секретов. Найти разгадки, ответить на все животрепещущие вопро-

сы могли только льдины и море, но разве их волнуют попытки такой ничтожной пылинки мироздания, как человек, получить заветную и столь всегда желаемую исчерпывающую истину? Нет! Интересно и вот еще что: ни я, ни кто-нибудь еще ни разу не встречал на льдинах взрослых медведей, тюленей или пингвинов – только молодняк. Может, взрослые особи могут о себе позаботиться, постоять за себя.

А недавно произошел ужасный случай: на одной из льдин – большой, плоской, прямоугольной формы – мы нашли тело мертвого медвежонка. Лыдина с мертвым пассажиром скользила по высоко вздымавшимся черным волнам холодного моря. Ветер вихрился, струился и перекатывался над льдиной и под нависающим над морем куполом громадных темно-серых, плотных туч.

У нас на острове говорят, что лед – это напоминание о конечности всего сущего, нечто холодное и застывшее, не способное к развитию. Смерть. В этом можно узреть некую религиозную подоплеку – мы боремся с ледяным пленом, сокрушаем стены из него, перемалываем в труху осколки, стараемся сохранить процесс движения всего, что окружает нас. Это ритуал, который мы все исполняем каждый день.

Философия льда: он всегда был, есть и будет. В чём его смысл? В холоде и забытьё? Изменится ли что-нибудь, если мы покинем остров – исчезнем, как снег ранней весной? Лед не расскажет о нас, если только мы сами не вверим ему себя, не запечатлеем на нём следы собственного пребывания на земле.

Если внимательно рассмотреть кусок льда, можно увидеть сложный рисунок, нанесенный природой. Кружева, сетки, переплетения линий – это и есть красота, но в этих узорах можно увидеть нечто большее. Лед говорит с нами, хотя мы и не понимаем его языка.

Капитан ледокола как-то на днях сказал мне: «Лед слоями нагромождается на берега наших душ, во тьме безнадежности и уныния он крепнет как никогда. Лед образует стены вокруг наших мыслей, снов, человеческой природы – оттого мы так хорошо понимаем его, и потому нам настолько близок его холод и мутноватый блеск. Наши чувства по отношению к другим временами превращаются в лёд, а несчастная любовь подобна его холоду и немому безразличию».

В пятой палате родильного отделения всего четыре кровати. Три уже были заняты. Людмила, молодая женщина, рожавшая второй раз, поступила вчера днём. Валентина же хотела подарить мужу третьего ребёнка и надеялась, что родится сын, так как дочери уже были. Третья, Марина, второй раз испытывала страх за свою беременность. Плоду грозил выкидыш и чтобы обезопасить себя и ребёнка, будущая мама легла заранее.

Пожилая акушерка тётя Маша, осторожно придерживая новую роженицу под руку, ввела её в палату.

– Девочки, добрый вечер! Принимайте пополнение. Юличка – прошу любить и жаловать, рождает первый раз, – представила акушерка новенькую.

А Юличка была сама как ребёнок – небольшого роста и худенькая. Испуганным взглядом зелёных глаз, осмотревшись по сторонам, тихо поздоровалась.

– Тётя Маша, Вы сегодня в ночь дежурите? – поинтересовалась Валентина.

– Да, милая, а что, думаешь рожать? – улыбнулась акушерка.

– Я бы очень хотела, родить в Ваше дежурство. Двоих, Вы у меня уже приняли. Знаете, с Вами как-то спокойней.

– Не спорю, опыт у меня большой, уже тридцать пять лет принимаю роды. Но ты, Валюша, не переживай, у нас все работники опытные и ответственные. За всё время, что я здесь работаю, было всего три несчастных случая, и то не по вине медперсонала. Одну дамочку привёз муж, было сильное кровотечение, родила в машине и далеко от населённых пунктов. Муж принимал роды, и когда ребёнок вышел из лона матери, так отец не удержал его. Выскользнул младенец на землю и повредил шею. Ребёнок умер у нас в роддоме, травма была не совместима с жизнью. Бедный мужчина так переживал, что в раз весь поседел. Не дай Господи никому такое горе! А мать ребёнка мы спасли. Второй случай, спасали беременную на восьмом месяце. Узнав, что муж у любовницы, она сдуру наглоталась таблеток. Не спасли, ни мать, ни дитя. Другой случай произошёл в прошлом году. Несовершеннолетняя родила в подвале дома. Ребёнка выбросила в мусорный бак. А сама, истекая кровью, попала к нам. Ребёнка нашли и спасли, а вот непутёвая мамочка умерла, сильно поздно обратилась за помощью. Вот такие дела, девочки. Ну, я пошла, а Вы тут не переживайте, всё будет хорошо.

– Тётя Маша, а кто из врачей дежурит? – спросила Марина.

– Юрий Иванович, молодой врач, но, скажу вам, как специалист – очень толковый.

Ночь в роддоме прошла спокойно. Только в пять часов утра Юля почувствовала, что постель под ней мокрая. Поднявшись с кровати, женщина ощутила, как струйки воды потекли по ногам. Испугавшись, она закричала.

– Что случилось? – встревожилась Валентина и, нажав на кнопку вызова, принялась успокаивать Юлю. – Не волнуйся, это воды отошли. Значит, скоро рожать тебе.

В палату вошла медсестра. Узнав в чём дело, повела Юлю в родильную комнату. Уложив роженицу, позвала тётю Машу.

– Юличка, а боли есть? – осведомилась акушерка.

– В пояснице ломит, и голова сильно болит.

– Наташа, проверь у неё давление, – обратилась тётя Маша к медсестре, – и доктора разбуди.

Давление у Юли было большое, Юрий Иванович приказал поставить капельницу. «Господи, помоги ей! С нашим участием, пошли лёгкие роды и здорового младенца», – помолилась про себя тётя Маша.

– А-а-а! – закричала Юля, ощутив в животе сильную боль, но боль быстро прекратилась, затем снова повторилась.

– Что, уже хватает? Это хорошо, что интервал между схватками небольшой, скоро потуги начнутся. Плохо только, что воды вышли раньше времени, – заключила тётя Маша.

Но Юля не слышала её. От действия капельницы боль в голове прошла, но страх перед неизвестностью остался.

– Ой! Мамочка, как больно! – закричала Юля и сильно сжала ручки родильного кресла.

– Юрий Иванович, что делать? Плод очень крупный, роды первые и на сухую, – забеспокоилась акушерка.

– Не хочется делать кесарево, только на крайний случай. Будем помогать ей. Вы, Мария Петровна, общайтесь с ней. Подсказывайте, как дышать и когда тужиться. Вижу, молодая мама, не подготовлена к родам.

– Дыши, дыши глубже! Всё хорошо. Чувствуешь потуги, дуйся! Без них нельзя дуться, геморрой заработаешь, – объясняла акушерка.

– Не могу, сил больше нет, спать хочется, – простонала Юля.

– Как нет, чего выдумала? Спать будешь, когда родишь. А сейчас сосредоточься на ребёнке, ему там плохо, воздуха мало. Хочешь ребёнка загубить?!

– Нет! Что Вы такое говорите?!

– Тогда терпи, сейчас помогу, – успокоила акушерка и сделала три надреза на живую.

Юля вздрогнула от непривычной боли, словно её ужалили пчелы. Но это было несравнимо с тем ощущением и болью, когда ребёнок головкой стал двигаться наружу.

– Ещё, ещё, давай! Молодец! Головка показалась! Юличка, девочка моя, ну, ещё чуть-чуть, помоги ему! – восклицала акушерка с таким энтузиазмом, словно сама рожала.

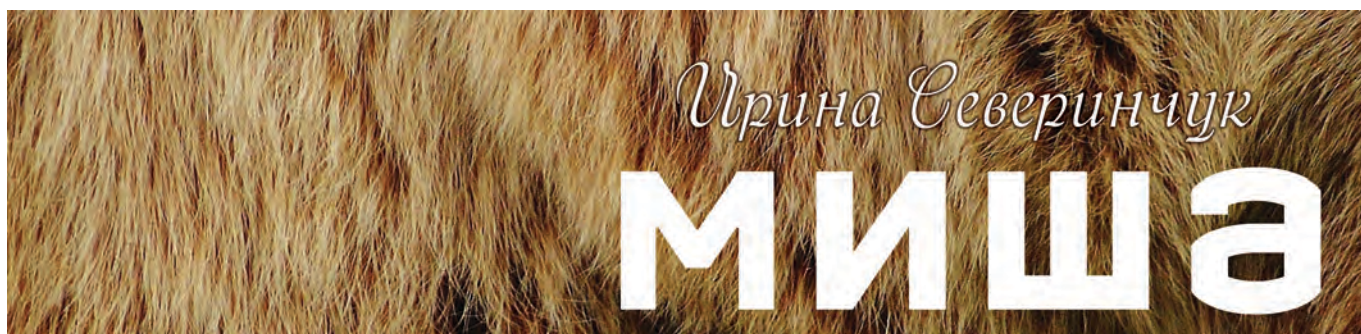
Юлю собралась, как ей показалось, с последними силами, и... младенец выпал в руки акушерки. Роженица почувствовала усталость и в то же время сильное облегчение, как будто только что разгрузила целый вагон. Приятная слабость и удовлетворение разлились по всему телу.

– Какой здоровый бутуз! – восхитилась акушерка, отрезая мальчику пуповину.

А малыш при появлении на свет сильно закричал, да так громко, что мама забеспокоилась:

– Тётя Маша, что с ним? Почему так сильно кричит? Ему больно?

– Нет, милая, ему хорошо, он кричит всему миру: «Я Человек! Я родился!»

Глава 1. Сюрприз для подруги

Чёрный джип свернул с трассы и выехал на просёлочную дорогу.

– Да, подруга, забралась ты к чёрту на кулички. Хорошо, что у меня есть такая крутая тачка, а то не знаю, как бы я добиралась до тебя в такую глухомань, – рассуждала вслух тридцатилетняя блондинка с очень эффектной внешностью.

Это была Ника Быстрова, она ехала в гости к своей куме. Ника была крёстной маленькому Диме. Сегодня ему исполнилось пять лет, и крёстная спешила на день рождения. На заднем сидении машины в красивой большой коробке лежал подарок.

Дорога вывела к небольшой деревеньке, которая затерялась среди прекрасной и удивительной природы Дальневосточного края. Дом Даши Кречетовой находился с краю, можно сказать на отшибе. Обыкновенная деревянная изба, но с уютом внутри, приветливо встретила дорогую гостью.

– Дашка! Ой, как ты изменилась! Пополнела, сразу видно, жизнь в этих краях у Вас спокойная. А я с утра до вечера кручусь, как заводная, – воскликнула Ника, обнимая подругу.

– Ну конечно, ты у нас бизнес леди, вся в делах. Спасибо, что нашла время и к крестнику приехала, он тебя ждал. Всё утро выглядывал в окно.

– Знаешь, бросила всё на зама Игорька и аж на целых три дня прикатила к тебе.

– Могла бы и на большее время приехать, давно не виделись.

– Больше не могу, предстоит деловая поездка за границу, а вот когда вернусь, то погощу подольше. А где мой Димочка? Что-то не вижу виновника торжества. Я ему такой обалденный подарок купила.

– Был недавно в комнате, но нет, наверное, во дворе, с Мишей. Глазки Ники заблестели:

– Ой, подруга, никак у тебя мужичок завёлся?

– Появился, уже как два года.

– А почему столько времени скрывала? И когда звонила, не сообщила. Я бы для такого случая и знакомства коньячка хорошего бы привезла, – улыбнулась Ника.

– А он у нас не пьющий.

– Что, совсем не пьёт? – удивилась подруга.

– Молоко любит.

– Да, повезло тебе, Дашка, в такой глуши встретить нормального мужика, а у меня было трое и все любители выпить и всё за мой счёт. Думали, что если у меня бизнес, значит денег много. Но ты меня с детства знаешь, я быстро их отвадила – послала подальше. Сейчас одна, правда, иногда такая тоска в душе, что от одиночества выть хочется.

– А что не родишь? Ребёнок – это счастье.

– Даш, от кого?

– Ну, хотя бы от своего зама, Игорька.

– Ты шутишь, ты видела его? Нет, если рожать, то только от красавца. Ты же своё чудо от красивого родила?

– Ника, я вышла замуж по любви и родила от любимого. Да и мой Федор не был красавцем. Это не главное. И если б он не погиб, то были бы вместе.

– Даш, а что главное? Или ты хочешь сказать, что мужчина должен быть чуть-чуть симпатичней обезьяны? И главное – умный, с душой и с весомым наследством в штанах. Даш, мне так моя бабушка говорила.

Их разговор был прерван громким криком Димы:

– Мама-а-а-а! Я боюсь!

Обе женщины выбежали во двор. Малыш, стоя возле деревянного сруба колодца, со страхом смотрел на огромную змею, которая, очевидно, пила воду из ведра и была потревожена появлением ребёнка. Змея была очень ядовита и агрессивна. Её голова находилась в метре от лица Димы. Раздвоенным большим языком она осязала – изучала врага. Расстояние от крыльца до колодца было длиною в десять метров. Даже при невероятных способностях в беге Даша не успела бы спасти сына. Увидев эту ситуацию и осознав своё бессилие, обе женщины застыли в ужасе. Вдруг из-за сарая, который находился рядом с колодцем, выбежал Миша. Одним мощным ударом он отбросил змею далеко в сторону. От неожиданности змея свернулась в клубок, а затем, поняв своё бессилие, уползла в кусты. При виде этой картины у Ники подкосились ноги, и она упала в обморок.

Уже лёжа на диване с мокрым полотенцем на голове, она простонала:

– Дашенька, что это было, откуда он здесь появился?

– Это наш Миша, я же говорила тебе, что уже два года живёт у нас. Его мать-медведица смертельно раненная умирала у реки. А медвежонок – совсем маленький – ползал возле неё. Я боялась подойти близко и лишь когда убедилась, что она уже совсем обессилила, то забрала медвежонка. И уходя пообещала ей заботиться о нём.

– Ну, ты даёшь! Фантазёрка с детства! Нет, я понимаю это, но почему не предупредила? Я чуть не умерла от страха, когда увидела твоего Мишу!

– Но не умерла же. Да и хотелось сделать тебе сюрприз. Вы бы познакомились с ним сидя за столом. Знаешь, я его ещё маленьким приучила сидеть за столом. Когда мы с Димой обедаем, то он тоже с нами ест и очень даже аккуратно. И вообще, Миша наш добрый, умный и спокойный медведь...

Продолжение следует

Петр Цыплаков

Петр Николаевич Цыплаков публикуется с 2015 г. На PROZA.RU опубликованы: поэма «Сотворение мира», миниатюры «О страхе Божьем», «Единый и Единственный», «Осенний витраж», новеллы «Замысел Царств», «Слово о сокрытом Свете», «Зов Премудрости Божией», «Жертвенность как основополагающий принцип бытия», «Дети Солнца», «Зов Зари», «Еврейская симфония», «Притча о жаждущих», «Исцеление Любовью», «Полет», «Притча об Источнике и садовых», стихотворения «Вечный сад», «Воскресение», «Могущество», «Погружение в Исток», «К Богу», «Обретение себя», «Грани Первосвета», «Пробуждение», «Прозрение», «Храм», «Искреннее», «Молитва», «Радикальное братство», «Молитва простодушных», «Ностальгия», «Возвращение к Отцу», «Брату», «Утро», «Певцы Земли», «Сострадание Христу», «К Закону и ко Христу», «К Иисусу Христу. Ожидание», «Крещение огнем», «Причастие».

К Богу

Пересыпается жемчужно и зеркально,
Вращается небесный свод,
Он Смысл бытийный, уникальный
На землю грешную несет.

Так отражение Божественного бденья
Рекой земного времени течет,
Она мазок простой, одно мгновенье
Среди бесчисленных Его забот...

Мы рождены земными – плоть от плоти,
Но дай нам, Боже, счастье – воспарить,
Почувствовать Тебя, примкнуть к Твоей заботе –
И лишь Тебя в себе любить!

1989

Посвящение в Вечность

Горние зарницы,
Вечные поля –
Наяву мне снится
Вышняя Земля.

Соткана из Света,
Она смыслов мед
Взяв из Смыслоцветов,
Сердцу отдает –

Смыслом чтоб искрилось,
Пела чтоб душа,
Славя Божью милость,
Вечностью дыша...

15 июля 2016 г.

Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. (Иоан. 1, 9)

И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное... (Мф. 18, 3)

Рассвет чувства... Рассвет сердца... Полноцвенье души... Радость бытия... Откуда эти состояния, от кого они? Почему мы их так остро ощущаем в детстве, в юности, и почему так основательно забываем потом? Почему только редкие счастливики сохраняют эту многомерность восприятия, эту встроенность в полифоничность бытия людей и вещей? Кто-то скажет: брось, все дети, особенно малые – эгоисты. Да, эгоисты. Ибо они есть души, совсем еще недавно спущенные сюда с Небес, они еще всецело там, в вышней симфонии Света и Смысла, в поле восприятия Всеобщего Единства. Им тесен наш мир ограничений, взаимоподавления, взаимоотрицания. И они требуют ломки этих стереотипов нашего поведения хотя бы по отношению к себе самим. Это не требование сильного, это призыв и мольба слабого, это совсем другой эгоизм. И связанная с ним требовательность – она

по Божьей воле существует. Ибо заботясь о них, мы соприкасаемся с пока еще не поврежденным отсветом Вечной Любви, живущим в их душах, отсветом той Любви, которую Создатель любит все, Им сотворенное – каждую его мельчайшую часть. Тем более Он этой Любовью любит нас, живых существ, просто обязанных впитывать Свет этой Любви и передавать другим, обогащая его при передаче своей личной, уникальной радостью, проявляя свой личный, совершенно уникальный талант восприятия и передачи Света... Так как же нам стать детьми этого Божьего Света, этими счастливыми его распространителями? В этом Свете – совершенный Замысел Божий, благой и святой, Замысел о каждой частичке сотворенного Им. И если обнаруживается канал соединения частички творения со смыслом ее существования, она оживает и для жизни, и для Божьей Славы. Так как же нам стать благодарными получателями от Бога животворящей воды Смысла нашего существования и как нам стать оросительными каналами, передающими животворящую воду этого Смысла – в Саду Божьей Любви и Славы?

Helena Reuelly

ДЕТУ ОСЕНИ

За окном осень. Что-то стучит, плюхает и звонко щёлкает по подоконнику. Расползается белёсая муть тумана. Сквозь нее проглядывает слезящийся жёлтый глаз луны. Он тоже мутный, как от простуды. Туман поглощает цвета, звуки и запахи. От дождя не укрыться: не помогает ни зонт, ни куртка, ни сапоги. Влага висит в воздухе, на ветках, осыпается на скамейки, просачивается в мозг. Осень дарит нам простуды, чай с мёдом, липкие таблетки от кашля и ... время. Время смотреть. Время размышлять. Время видеть. Время делать выводы.

Тот, кто не сумел воспользоваться этим подарком, эти пасынки дождя, стонут, охают, поглощают варенье и жалуются. У них нет желания осмотреться по сторонам и Увидеть. Увидеть красоту в каплях, повисших на почерневшей коре. В листьях, мокрых, прибитых к земле, умирающих в грязи, но всё ещё прекрасных. Непобеждённых. Красота в инее, крепко уцепившемся за зелёные травинки, облившем машины горным хрусталём, звенящем на берёзовых ветках. Красота даже в новом кошачьем выводе – рыжем, сером, полосатом, с достоинством, сидящем прямо у тебя на пути.

Эта красота повсюду, она проникает в тебя, захватывает часть за частью, клетку за клеткой. А потом она возвращается наружу.

Она становится вязаными шарфами, узорными свитерами, пледом и рукавичками. Она в вышитом шелковой гладью лесном озере, из которого пьёт олень. Она превращается в нежные рисунки пастелью и акварелью, с которых смотрят в комнату то маяк над пустынной гаванью, то звёзды неведомых небес. Она изливается в трогательные песни. В их музыке звенит дождь, шелестят листья, и плачет ветер. Иногда осенний ветер сдувает эти ноты куда-то на бумагу, и там они преображаются, словно таинственные зверьки, расползаются по странице, тихо нащёптывают истории, каждый свою, особенную. Главное – услышать, главное – не забыть, главное – успеть. Успеть записать, набросать, подыграть... Только бы не сломался карандаш, не затерялся листок, хватило бы ниток... Последний шов, последний штрих, последний блик. В осенних днях много чего последнего. Последний луч, последний лист, последний дождь.

А когда проникнешься этой тихой красотой – печальной красотой уходящих, больше не забудешь её, станешь вспоминать и в морозные стальные ночи, и в снегопад, и в летнюю жару... Она всегда в тебе и с тобой, приносит счастье и грусть. Она – вторая сторона тебя. Осень.

Моё писательское, творческое имя – Лана Аллина. Мое настоящее имя Светлана Князева. Писатель, лектор, аналитик, автор ряда публицистических статей в журналах научного и научно-популярного профиля. Много лет работаю доцентом крупнейшего московского вуза – РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет). Член Российского союза писателей, кандидат в члены Интернационального союза писателей. Номинирована на соискание литературных премий «Писатель года – 2014-2016», «Наследие – 2015-2016», «имени Сергея Есенина «Русь моя 2016». Автор романов «Воронка бесконечности» (Москва, 2013) и «Вихреворот сновидений» (вышел в издательстве "Skleněný místek" в феврале 2016 г.)

Поздний-поздний вечер. Нет, уже явилась полновластной хозяйкой кавказская ночь. Высоко в чёрной пропасти южного неба высыпали звезды – тысячи, миллионы звезд. Полыхают светлячки-фонарики, разгорелась яркой люстрой на небесном потолке луна. А там, за деревьями, совсем рядом, точно притаившийся диковинный сонный зверь, вздыхает, сопит и шумно дышит, и хлопает носом, и что-то устало шепчет море, тихо-тихо ворчит, ворочается, пытается поудобнее устроиться в своей необъятной постели – не спится ему, бедняге.

Они возвращаются из кино, и девочка идет домой очень гордая. Какая она уже совсем взрослая! И всё-таки она очень устала, начинает зевать. Может, покапризничать?.. Наверное, мама замечает это и говорит папе:

– Не надо было нам так поздно в кино ходить, видишь, она устала – маленькая ещё!

Ах, так? Маленькая?! Да она уже взрослая! От такого оскорбления у девочки сжимается горло, перехватывает дыхание, слёзы наворачиваются на глаза. За что её так обидели? Она же уже большая, её надо... как это? Слово вот теперь забыла!.. А, вот! Её надо у-ва-жать!

Усилием воли девочка берет себя в руки... Пусть все видят – она

со-вер-шен-но не устала!

Луна щедро поливает землю молочно-белым, с серебристым отливом, светом из своего большого небесного кувшина. Серебряная лунная дорожка скользит по земле, по траве, по тропинке. Мама и папа идут впереди. А девочка отстала шагов на двадцать. А может, на тридцать. Конечно, лучше бы ей пойти вперед, но страшно: так ведь и потеряться можно в этой южной темноте!

Однако как же её оскорбили, назвав маленькой! При мысли о нанесенной обиде девочка ещё больше хмурится, надувает губы, гордо поднимает голову, упрямо смотрит прямо перед собой, – но всё же внимательно следит, куда поворачивают родители.

А луна разгорается ещё сильнее. Как горят звезды на южном небе! Девочка идет по лунной дорожке, топчет лунный свет, ноги утопают в серебристо-белом ковре, сотканном из лунного света. Потом яркий этот свет поднимается до пояса, до плеч... Теперь он укутывает её всю. Девочка дышит лунным светом, пьёт его, глотает, захлёбывается им!

Иногда родители оглядываются, замедляют шаг, о чём-то тихо говорят между собой, кажется, улыбаются... Ну, уж нет! Всё это хорошо, только она ни за что не подойдёт к ним первая – так и вернётся домой одна!

ИЗДАТЕЛЬСТВО SKLENĚNÝ MŮSTEK

Ваша книга -
здесь и сейчас!

HOROVA 12, KANCELÁŘ Č. 220
360 01 KARLOVY VARY, ČR
KONTAKT@SKLENENYMUSTEK.CZ
+420 774 799 444
+420 353 223 292

ČESKÁ HVĚZDA
- četnost vydávání - měsíčník
- místo vydávání - Karlovy Vary
- evidenční číslo z MKČR: E 20834
Vydává Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062
DIČ: CZ29123062

Все права авторов охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

